

Воспоминанія князя Евгенія Николаевича Трубецкаго.

Предисловіе.

Настоящія „Воспоминанія“ покойнаго отца моего — князя Евгенія Николаевича Трубецкаго, являются частью задуманнаго имъ описанія всей своей жизни. Начало этой работы было положено, какъ сказано во введеніи, въ самые дни февральской революціи 1917 года. Это были воспоминанія о дѣтствѣ. Они носятъ интимно-семейный характеръ и не предназначены для печати, а лишь для семьи и близкихъ родственниковъ. Въ то время отецъ и не предполагалъ еще приступить къ послѣдовательному описанію всей своей жизни.

Весною и лѣтомъ 1919 года онъ написалъ другую часть этихъ воспоминаній: „Путевыя замѣтки бѣженца“, гдѣ описывается уже послѣдній періодъ его жизни: бѣгство изъ Москвы отъ большевиковъ, пребываніе и политическая работа на Украинѣ и, наконецъ, жизнь и переживаемыя впечатлѣнія на территоріи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи.

Послѣ этой работы у отца окончательно созрѣла мысль воспроизвести послѣдовательно воспоминанія о всей своей жизни, причемъ ранѣ написанныя воспоминанія о дѣтствѣ и „Путевыя замѣтки бѣженца“ должны были сюда войти, составляя общее цѣлое.

Начавъ съ гимназическихъ годовъ жизни — съ 1874 года, онъ довелъ свои воспоминанія до первыхъ

годовъ профессорской дѣятельности, кончая началомъ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, и былъ прерванъ въ серединѣ декабря 1919 года, за мѣсяць до своей смерти, отъѣздомъ изъ Новочеркасска по причинѣ наступленія большевиковъ.

Кв. А. Трубецкой.

Константинополь.

1921 г. 6/19 января.

Часть I. Гимназическіе и студенческіе годы.

Ростовъ Д. 1 ноября 1919.

Два съ лишнимъ года тому назадъ, когда въ Петроградѣ въ концѣ февраля пальба на улицахъ возвѣстила конецъ старой Россіи, во мнѣ зародилась непреодолимая потребность вспомнить лучшіе дни пережитаго прошлаго, чтобы въ этихъ воспоминаніяхъ найти точку опоры для вѣры въ лучшее будущее Россіи. Тогда я вспомнилъ свѣтлыя радостныя картины моего дѣтства. Съ тѣхъ поръ во мнѣ періодически возрождается потребность вспоминать — т. е. не просто воспроизводить пережитое, а вдумываться въ его смыслъ. Въ минуту, когда старая Россія умираетъ, а новая нарождается на ея мѣсто, понятно это желаніе отдѣлать непреходящее, неумирающее отъ смертнаго въ этой быстро уносящейся дѣйствительности. Къ воспоминаніямъ предрасполагають и внѣшнія условія жизни въ революціонную эпоху.

Человѣку вообще свойственно вспоминать, когда онъ стоитъ лицомъ къ лицу со смертью; говорятъ, что умирающіе вспоминають въ нѣсколько минутъ всю свою жизнь; это воспоминаніе для нихъ — и воскрешеніе прожитой жизни, и судъ совѣсти надъ нею. Когда два года тому назадъ я началъ писать воспоминанія подъ аккомпаниментъ пулемета, трещавшаго надъ крышей моей гостиницы, мнѣ казалось, что въ положеніи умирающаго находится вся Россія. — Те-

перь, наоборотъ, я возобновляю прерванную нить воспоминаній въ минуту, когда самая острая опасность уже миновала. Предстоящія трудности велики, чаша страданій еще не испита до дна, и однако грядущее возрожденіе Россіи уже достовѣрно. Но интересъ къ прошлому вызывается все тѣмъ же мотивомъ, все той же яркой интуиціей смѣны жизни и смерти. Тогда среди начавшагося вихря разрушенія передо мною всталъ тревожный вопросъ, — что не умереть, что уцѣлѣть въ Россіи. Теперь, въ измѣнившейся исторической обстановкѣ, измѣнилась не сущность вопроса, а только способъ его постановки. Разрушеніе уже совершившійся фактъ, и мы спрашиваемъ себя, что оживетъ изъ разрушеннаго, какая жизнь возродится изъ развалинъ.

I. Начало школьнаго возраста. Гимназія Креймана.

Осенью 1874 года мой старшій братъ Сергѣй и я поступили въ третій классъ московской частной гимназіи Фр. Ив. Креймана. Ему было въ то время двѣнадцать, а мнѣ — одиннадцать лѣтъ, и наше поступленіе въ школу было первымъ нашимъ выходомъ изъ дѣтской.

Начало школьнаго возраста для ребенка есть первое его соприкосновеніе съ общественной жизнью. До школы вся жизнь его протекаетъ въ частномъ домашнемъ кругу, гдѣ онъ носитъ *домашнее* уменьшительное имя. Переходъ въ школьную среду, гдѣ это дорогое интимное имя вдругъ забывается и замѣняется официальнымъ наименованіемъ *по фамиліи* — не изъ легкихъ для мальчика. Помнится, когда вмѣсто привычныхъ именъ „Сережа и Женя“, насъ называли „Трубецкой I и Трубецкой II“, а иногда и съ прибавкой „князь“, — меня обдавало какимъ-то холодомъ. Иногда, впрочемъ, это ощущеніе холода смѣнялось чувствомъ гордости, потому что величаніе по фамиліи напминало мнѣ, одиннадцатилѣтнему, что я

уже „большой“, но въ общемъ все-таки было жутко. Жутко было и отъ соприкосновенія со школьной дисциплиной.

До вступленія въ школу не было существа на свѣтѣ, передъ которымъ я не чувствовалъ бы себя въ правѣ развалиться или облокотиться на столь объими руками. А тутъ, вдругъ, это, казалось мнѣ, неестественное вытягиваніе въ струнку передъ директоромъ и передъ каждымъ учителемъ, который ко мнѣ обратится! — Непонятной, невразумительной показалась на первыхъ порахъ и мысль о коллективной отвѣтственности. Какъ это, вдругъ, я буду страдать за чужую шалость. Когда нашъ классъ былъ какъ-то разъ „оставленъ безъ отпуска“, т. е. задержанъ на нѣсколько часовъ въ гимназій за какую-то шалость, я былъ серьезно обиженъ и пытался отпроситься домой, ссылаясь на то, что мы съ братомъ въ этотъ день „приглашены на вечеръ къ знакомымъ“. Когда товарищи вознегодовали, а инспекторъ укоризненно сказалъ: „школа — не частный домъ, Трубецкой“, мнѣ стало стыдно чуть не до слезъ, и я присиль инспектора, чтобы меня одного наказали, а весь классъ отпустили, что вызвало насмѣшки.

Нелегко мнѣ было привыкнуть и къ нѣкоторымъ проявленіямъ духа времени въ школьной средѣ, которыя меня непосредственно задѣвали. Въ семьѣ я былъ воспитанъ въ понятіяхъ о „равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ“. Мои первые друзья были крестьянскіе мальчики, съ которыми я бѣгалъ и игралъ въ бабки, и я не имѣлъ понятія о какихъ либо сословныхъ перегородкахъ. Я слышалъ, что моего отца и насъ — мальчиковъ — иногда титуловали, но не сознавалъ въ титулѣ какого-либо отличія отъ прочихъ людей, думая, что это — просто несущественная прибавка пяти буквъ къ фамиліи. — И, вдругъ, когда я попалъ въ школьную среду, гдѣ мальчики съ раннихъ лѣтъ любятъ шеголять своимъ „демократизмомъ“, — слово „князь“ сразу получило какое-то непонятно

обидное для меня значеніе. — „Князь, аристократъ“ — величали меня съ какимъ-то насмѣшливымъ почтеніемъ. — Всякій дразнилъ „княземъ“. — Мнѣ было больно; что же тутъ дурного, что я князь, и чѣмъ я виноватъ, что я такъ родился? За что меня попрекаютъ происхожденіемъ? Уже здѣсь въ школѣ я почувствовалъ какой-то аристократизмъ „черной кости“ — въ этихъ попрекахъ и въ этомъ желаніи быть „прежде всего демократомъ“, которое неестественно сказывалось уже въ маленькихъ мальчуганахъ. Особенно на первыхъ порахъ приходилось круто; были и особые стишки, которыми насъ изводили:

князь
упалъ въ грязь
стукнулся лбомъ
сдѣлалсяъ

Потомъ съ теченіемъ времени все это перемѣнилось, и мы стали большими друзьями съ товарищами. Насъ соединило то сообщество ученья и шалостей, которое составляетъ суть школьнаго товарищества. Сословныя перегородки, явившіяся въ началѣ, были побѣждены и исчезли; словно онѣ только затѣмъ и появились, чтобы исчезнуть. Въ этомъ сказывается больше и благодѣтельное воспитательное вліяніе всесословной школы.

Вѣяніе духа времени ярко окрашивало и низы, и верхи школы. „Низы“, т. е. школьники, хотѣли быть демократичны, именно *хотѣли*, потому что гимназія Креймана, гдѣ платили повышенную плату за ученье, по существу вовсе не была демократична. Поразительно, что въ казенной калужской гимназіи, гдѣ я впоследствии учился, было куда меньше этого показного самоутверждающагося демократизма, и къ титулу относились куда проще. А въ верхахъ школы духъ времени отражался другой своей стороной. Въ тѣ дни, въ самый разгаръ дѣйствія Толстовской системы, было въ полномъ ходу *увлеченье классицизмомъ*. На демон-

стративномъ утвержденіи этого классицизма гимназія Креймана дѣлала карьеру. Поэтому она представляла типическій образецъ, на которомъ ярко, рельефно обрисовывались частью достоинства, но еще въ большей степени недостатки системы.

Надо отдать справедливость Францу Ивановичу Крейману въ томъ, что онъ прекрасно подбиралъ педагогическій персоналъ. Между учителями, преподававшими намъ, были хорошіе и даже превосходные. Они давали намъ все, что могли, и умѣли даже заинтересовать насъ—мальчиковъ третьяго и четвертаго класса — въ такихъ сухихъ, скучныхъ матеріяхъ, какъ древніе языки. Въ значительной степени благодаря имъ, я сохраняю о классической гимназіи воспоминаніе, какъ о хорошей школѣ мышленія.

Въ воспитаніи формальной способности мышленія заключается не только главное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное ея достоинство. Съ раннихъ лѣтъ вынуждается мальчикъ отвлекаться умомъ не только отъ родныхъ ему словъ, но и отъ всей современной ему структуры рѣчи: этимъ воспитывается и закаляется прежде всего *способность отвлеченья*, гибкость ума, способность его становиться на чужую точку зрѣнія. Усвоеніе духа древняго языка, воскрешеніе давно умершихъ формъ рѣчи сообщаетъ мысли ту широту, которая составляетъ свойство истиннаго образованія. Поэтому классическая гимназія представляетъ собою незамѣнимую *подготовительную ступень* для гуманитарнаго образованія, для изученія словесности, исторіи, философіи. Если бы классическая гимназія давала хотя бы скромные начатки этого гуманитарнаго образованія, она была бы превосходной школой. Проникновеніе въ духъ древнихъ языковъ было бы чрезвычайно цѣннымъ даромъ, если бы оно служило началомъ проникновенія въ духъ древней культуры.

Къ сожалѣнію, именно этого не было въ нашей русской гимназіи. Средство въ ней стало цѣлью. Она была почти исключительно грамматическою школой, ко-

горя воспитывала формальную способность мышления, приучая умъ къ отвлеченію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не давала ему рѣшительно никакого содержанія. Я помню тотъ своеобразный филологическій спортъ, который увлекалъ насъ — мальчиковъ 12 — 14 лѣтъ — въ четвертомъ классѣ, когда мы писали латинскія extempore или распаковывали замысловатую „косвенную рѣчь“ въ классическомъ произведеніи Цезаря; помнится, тѣ лучшіе ученики, которые не списывали, а работали самостоятельно, испытывали при этомъ удовольствіе, знакомое любителямъ шахматныхъ задачъ, кастетовъ и ребусовъ: въ предѣлахъ небольшой кучки первыхъ учениковъ было даже соперничество въ этомъ спортѣ, — кто лучше выразится по-латыни или лучше переведетъ Цезаря. Для начала это неплохо; но въ томъ то и бѣда, что въ огромномъ большинствѣ нашихъ гимназій, если не во всѣхъ, это начало оставалось безъ продолженія. Увлекаться грамматическими упражненіями для мальчиковъ старше четвертаго класса становилось труднымъ и даже просто невозможнымъ. А между тѣмъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ школа дальше грамматическаго упражненія не шла. За 6 лѣтъ пребыванія въ классической гимназій я что то не помню осмысленнаго чтенія писателей.

Въ гимназій Креймана я былъ только три года и не знаю, какъ тамъ велось преподаваніе въ старшихъ классахъ, начиная съ V-го. Но отсутствіе смыслового чтенія древнихъ писателей является общимъ недостаткомъ толстовской гимназій, для которой древній писатель былъ лишь предлогомъ для грамматическихъ упражненій. Читая классиковъ, ученики учились стилю: все ихъ вниманіе искусственно устремлялось на вопросъ, почему употреблена такая-то форма рѣчи, а не другая. Самая мысль писателя при этомъ забывалась. Да если бы о ней и помнили, задача растолковать ученикамъ какого-нибудь Тита Ливія, Фукидида или Тацита — не по плечу учителю средней руки: для этого, помимо знанія языка, требуется большое исто-

рическое и литературное образование. Неудивительно, что средній учитель дѣлалъ лишь то, что доступно ремесленнику, т. е. занимался оборотами рѣчи и оставялъ мысли въ сторонѣ.

Нетрудно представить себѣ послѣдствія такого способа веденія дѣла. Помнится, въ гимназіи мы читали цѣлый годъ Фукидида, а въ теченіе другого года — діалогъ Лахесъ Платона. Но только въ студенческіе годы, когда я заинтересовался греческой философіей, а въ связи съ ней — греческой исторіей, я узналъ содержаніе діалога Лахесъ и открылъ, что въ произведеніи Фукидида идетъ рѣчь о Пелопонезской войнѣ. Все прочитанное для меня, какъ и для моихъ товарищей, было лишь безсвязнымъ собраніемъ словъ, предложеній и текстовъ, которые переводились и подвергались грамматическому разбору.

Недостатки грамматической школы у насъ въ Россіи являлись въ каррикатурномъ преувеличенномъ видѣ, благодаря вмѣшательству высшихъ соображеній политической мудрости въ школьное дѣло. Школа эта, по какому-то странному недоразумѣнію, считалась оплотомъ благонадежности. Предположеніе это могло возникнуть лишь постольку, поскольку древніе писатели читались съ *пропускомъ смысла*. Въдѣ эти самые древніе, которые должны были играть роль противоядія противъ революціоннаго духа времени, — полны прославленіемъ республиканскихъ доблестей и демократическихъ учрежденій; выраженіе ненависти къ тиранамъ у нихъ — ходячее общее мѣсто. Какъ ни мало удѣлялось въ нашихъ занятіяхъ мѣста смыслу писателей, мы все-же кое что слышали про Гармодія и Аристокитана: имена этихъ тираноубійцъ произносились учениками классической школы съ уваженіемъ.

Но это были лишь случайно удержанные памятью отрывки, — остатки какого-то содержанія древней культуры, которая въ общемъ оставалась намъ совершенно чуждою. Классическая школа угнетала своей безсодержательностью, своею пустою отвлеченностью.

И въ этой отвлеченности всякій школьникъ чувствовалъ *фальшь*, какую-то постороннюю ученію и потому безнравственную цѣль. Мальчиками одиннадцати-двѣнадцати лѣтъ мы уже чувствовали это вмѣшательство политики въ веденіе школы и изъ-за этого теряли къ ней уваженіе.

Въ гимназій Креймана это вмѣшательство было очень замѣтно. Гимназія, которая, какъ сказано, дѣлала карьеру на классицизмѣ, отъ времени до времени устраивала парадные ученическіе спектакли на всѣхъ языкахъ, но непременно съ какой-либо классической пьесой на какомъ-либо древнемъ языкѣ въ видѣ перваго номера. Помню, напримѣръ, парадное представленіе „Эдипа въ Колонѣ“ Софокла на греческомъ языкѣ въ биткомъ набитомъ гостями актовомъ залѣ гимназій, въ греческихъ костюмахъ, а послѣ „Эдипа“ — русскую, французскую и нѣмецкую пьесы, разыгранныя учениками. Въ газетахъ послѣ этого фельетонисты писали про „вавилонское столпотвореніе въ классической гимназій.“ Нечего и говорить о томъ, что на спектаклѣ, кромѣ родителей и учениковъ, присутствовали педагогическіе авторитеты и власти округа. Для нихъ именно устраивалась эта пышная демонстрація. Не знаю, какое впечатлѣніе она производила на постороннихъ зрителей; но для насъ-учениковъ— было ясно, что она устраивается напоказъ не только безъ пользы для дѣла, но съ явнымъ ущербомъ какъ для ученія, такъ и для школьной дисциплины. Помню безконечныя репетиціи греческаго хора, старательно разучивавшаго музыку Мендельсона, и столь же безконечныя репетиціи пьесъ. Ради этихъ репетицій ученики освобождались отъ уроковъ. Другіе, не участвовавшіе въ пьесахъ, бѣгали просто напросто глазѣть на репетиціи. Отвлекались отъ дѣла и учителя языковъ, ставившіе свои пьесы. Въ концѣ концовъ недѣли за двѣ до представленія, спектакль совсѣмъ забивалъ ученье. Помню, какъ подъ предлогомъ „репетицій“ цѣлый классъ разбѣгался — кто поглазѣть

въ актовъй залъ, кто просто прятался, и учитель, найдя свой классъ пустымъ, бѣгалъ по корридорю, розыскивая своихъ учениковъ, торжественно приводилъ и водворялъ на мѣсто немногихъ случайныхъ пойманныхъ, а потомъ начиналъ „ученье“, которое не клеилось подъ доносящіеся издали звуки Мендельсона. Мы всѣ, конечно, были рады этой „свободѣ“, т. е. крушенію школьнаго порядка и возможности не готовить уроки. Но и помимо ущерба для ученія, результатъ этимъ достигался самый антипедагогическій. Отъ мала до велика мы всѣ отлично понимали, что мы обязаны нашей свободой школьной политикѣ Франца Ивановича, которому нужно во что бы то ни стало показать свой классическій *товаръ лицомъ* передъ начальствомъ и передъ высшимъ обществомъ Москвы. И въ душу закрадывались сомнѣнія въ самыхъ принципахъ и основахъ школы. Не знаю, какъ это случилось, но торжественный классическій спектакль въ гимназій, съ пьесой, непонятной девяносто девяти процентамъ учениковъ, и нужный только *для начальства*, остался для меня на всю жизнь олицетвореніемъ самаго духа и сущности толстовской гимназій.

Положимъ, не все тутъ можно относить на счетъ толстовской школы. Многое составляетъ индивидуальное свойство самого Франца Ивановича. Помню, какъ бывало онъ приходилъ въ нашъ разбушевавшійся четвертый классъ. Водворялась глубокая тишина. Францъ Ивановичъ покачивалъ головой, утюжилъ бакенбарды и торжественно произносилъ: „печчально четвертый классъ“ —; потомъ—долгая пауза, шагъ впередъ, перстъ, подъятый въ воздухъ, и патетическій возгласъ фальцетомъ: „никакихъ стремленій нѣтъ“. А мы внутренно хохотали: не было между нами того мальчугана, который бы не чувствовалъ внутренней фальши этого паѳоса.

Францъ Ивановичъ вообще былъ актеромъ, который дѣлалъ вещи напоказъ; но школьная политика

того времени сдѣлала его *актеромъ классицизма*. Въ этомъ несомнѣнная вина толстовской тенденціи и *толстовской системы*.

Рядомъ съ „новыми вѣяніями“, демократическими и реакціонно классическими, намъ пришлось столкнуться въ гимназій Креймана и съ остатками дореформеннаго быта добраго стараго времени. Былъ тамъ одинъ извѣстный педагогъ — учитель древнихъ языковъ, издававшій классиковъ и иныя учебныя книги для школъ — не то германецъ, не то чехъ, плохо говорившій по русски. Въ четвертомъ классѣ мнѣ съ братомъ пришлось учиться у него латинскому языку. Въ первое полугодіе онъ отнесся къ намъ необыкновенно ласково и ставилъ высокія отмѣтки. Во второмъ полугодіи, когда братъ остался одинъ въ классѣ (я былъ боленъ воспаленіемъ въ легкихъ), отношеніе къ нему педагога вдругъ рѣзко измѣнилось безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Педагогъ систематически ставилъ двойки, топалъ ногами, кричалъ, бросалъ тетрадку брата на полъ. Весь классъ недоумѣвалъ, чѣмъ вызвано это явное преслѣдованіе. Мы рассказали объ этомъ старшему нашему брату Петру, учившемуся раньше у того же педагога въ одной изъ казенныхъ московскихъ гимназій, и дѣло выяснилось. Оказалось, что ровно то же произошло и съ братомъ Петромъ, но только съ характернымъ продолженіемъ. Когда ласковое обращеніе смѣнилось преслѣдованіемъ, дядюшка, у котораго жили дѣти отъ перваго брака моего отца, вступилъ въ объясненія съ педагогомъ. Тотъ ему сказалъ, что братъ „отсталъ отъ класса“, нуждается въ частныхъ урокахъ, и самъ взялся ихъ давать за плату, считавшуюся по тогдашнему времени высокою. „Уроки“ свелись къ чистой комедіи. Педагогъ приходилъ на домъ, шутилъ, болталъ съ братомъ минутъ десять и уходилъ, получая исправно деньги.

А братъ съ тѣхъ поръ сталъ „успѣвать“, т. е. получать хорошія отмѣтки. Мои родители не пожелали прибѣгнуть къ этому способу для насъ и предпочли

оставить насъ обоихъ на второй годъ въ четвертомъ классѣ, — меня по болѣзни, а брата Сергѣя за компанію. Потомъ уже намъ пришлось учиться у хорошихъ и вполне порядочныхъ учителей. Вообще этотъ случай явнаго взяточничества — единственный, который мнѣ приходилось наблюдать за все время прохожденія мною гимназическаго курса. Разумѣется, гимназія Креймана не можетъ считаться отвѣтственной за продѣлки педагога, о которыхъ ея директоръ могъ не знать; но и помимо этого, она представляла собою мало привлекательнаго. Въ ней нашли себѣ выраженіе скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя стороны тогдашняго школьнаго режима.

Калужская казенная гимназія, гдѣ я воспитывался съ V-го класса по VIII-й включительно — съ 1877 по 1881 годъ, оставила во мнѣ куда лучшее воспоминаніе.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому періоду моей жизни, я хочу рассказать о нѣкоторыхъ моихъ внѣшкольныхъ переживаніяхъ въ Москвѣ съ 1874 по 1877-й годъ.

II. Музыкальная жизнь въ Москвѣ въ 1875—1877 годахъ.

Переходъ отъ дѣтства къ отрочеству, помимо поступленія въ школу, ознаменовался для меня съ братомъ двумя крупными событіями. Это было для насъ начало пробужденія музыкальнаго пониманія и начало пробужденія національнаго сознанія. Въ 1875 — 76 году мы начали посѣщенія симфоническихъ концертовъ, квартетныхъ собраній и консерваторскихъ спектаклей. А съ 1876 года мы съ братомъ были захвачены переживаніемъ той русско-славянской національной драмы, которая привела къ восточной войнѣ 1877 — 1878 года.

Не знаю, отчего эти два факта какъ-то неразрывно связались въ одно въ моихъ воспоминаніяхъ

— подъемъ музыкальный и подъемъ національный, — можетъ быть оттого, что русская музыка тогда была областью могучаго національнаго творчества. Въ то время уже гремѣла слава Чайковскаго, коего вещи исполнялись почти въ каждомъ концертѣ, и уже блистало созвѣздіе такъ называемой „могучей петербургской кучки“ — Римскаго-Корсакова, Бородина, Балакирева и Кюи.

Говорили и о Мусоргскомъ, но онъ тогда считался чѣмъ то вродѣ музыкальнаго Козьмы Пруткова — композиторомъ остроумнымъ и „забавнымъ“, но не серьезнымъ. Да и по отношенію къ „могучей кучкѣ“ не было большого пониманія. О Римскомъ-Корсаковѣ, который впоследствии сталъ для меня олицетвореніемъ жизнерадостной русской сказки, старшіе вокругъ меня говорили, что онъ „серьезенъ, но скучноватъ“, а на Бородина, Балакирева и Кюи съ сомнѣніемъ покачивали головою.

Вся эта музыка казалась въ то время „черезчуръ радикальной“. За то Чайковскій царствовалъ, и всякое его появленіе на концертной эстрадѣ было бурнымъ триумфомъ.

Помню, что его произведенія меня двѣнадцати — тринадцати лѣтъ не только увлекали, но прямо таки волновали. Я съ ранняго дѣтства слышалъ много классической музыки — Гайдна, Моцарта, Бетховена; мало того, уже въ дѣтствѣ я чувствовалъ эту музыку и по своему ее понималъ, насколько это было доступно ребенку. Но 12 — 13 лѣтъ мнѣ было стыдно признаться, что Чайковскаго я люблю еще больше. А это было такъ. И не одинъ я, маленькій мальчикъ, — въ то время и многіе изъ старшихъ совершенно такъ же любили Чайковскаго больше Бетховена и стыдились въ этомъ признаваться. Что это было за явленіе? Почему этотъ композиторъ, который теперь кажется намъ наполовину увядшимъ и осуждается почти всѣми до преувеличенія, въ то время такъ же преувеличенно восхищалъ?

Разбираясь въ воспоминаніяхъ моего отрочества, я чувствую, что увлеченіе Чайковскимъ во мнѣ не было исключительно музыкальнымъ: онъ волновалъ мое *національное чувство*. Я любилъ его, какъ что-то родное, какъ поэтическое воспоминаніе о русской деревнѣ, о которой я—школьникъ—мечталъ въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Замѣчательно, что теперь даже съ этой точки зрѣнія Чайковскій меня не удовлетворяетъ; то, что воодушевляло меня въ отроческіе годы, какъ народное русское, теперь кажется мнѣ народничаньемъ, чѣмъ то поддѣльнымъ: музыкальное ухо нерѣдко оскорбляется вмѣшательствомъ италіанщины въ русскія мелодіи Чайковскаго.

И странное дѣло, эта полу-народная музыка въ то время совершенно заслоняла для меня подлинную народную мелодію Бородина и Римскаго-Корсакова. Происходило ли это отъ дѣтскаго непониманія? Нѣтъ, такъ же судили и такъ же чувствовали въ то время взрослые.

Тутъ былъ какой то общій недостатокъ и въ музыкальномъ воспріятіи, и въ воспріятіи родины, какая то *народническая фальшивая нота въ музыкѣ*, которую почти совершенно не слышало тогдашнее музыкальное ухо. Слышали ее лишь тѣ, непонятые тогда композиторы, которые возвели русскую музыку на болѣе высокую ступень творчества. Замѣчательно, что это народничанье, которое теперь разоблачено и которое раньше привлекало больше всего въ Чайковскомъ, составляетъ не положительную, а скорѣе отрицательную сторону его собственнаго творчества. Намъ продолжаютъ нравиться именно тѣ его произведенія, гдѣ нѣтъ этой претензіи на народность („Франческо да Римини“, патетическая симфонія*). Можетъ быть, здѣсь кроется объясненіе преувеличеннаго разочарованія въ Чайковскомъ.

*) Въ видѣ примѣра прошу вспомнить пляску мужиковъ и другія „пейзаннныя“ мелодіи изъ „Евгенія Онѣгина“ (хоръ дѣвушекъ).

Когда то русское общество, вмѣстѣ съ нимъ, отождествляло свое „стремленіе въ народъ“ съ самимъ народомъ, а теперь не можетъ простить ему собственныхъ своихъ юношескихъ увлеченій, которыя онъ слишкомъ ярко олицетворялъ! Сами не замѣчая, мы не любимъ его столько же за недостатки въ его музыкѣ, сколько за *сентиментально — слащавое воспріятіе русскаго народа.*

Общественныя и національныя переживанія оказываютъ безъ сомнѣнія огромное и *далеко не достаточно осознанное вліяніе* на музыкальное воспріятіе. Музыкальная душа приноситъ въ концертный залъ все то, чѣмъ она живетъ. И эти извнѣ принесенныя переживанія причудливо переплетаются съ музыкальною мелодіей. Иногда они дѣлаютъ душу воспріимчивой къ ней, а иногда, наоборотъ, заслоняютъ музыкальныя красоты. Высшія воспріятія, разумѣется, тѣ, въ которыхъ душа освобождается отъ рабства времени и отъ преходящихъ увлеченій, гдѣ она радуется сверхъестественной, сверхвременной красотѣ.

Помню въ отроческіе мои годы минуты и часы этой *безотносительной* радости. Ими я всего больше обязанъ покойному Н. Г. Рубинштейну, который былъ въ тѣ дни душою, живымъ центромъ всего музыкальнаго дѣла въ Москвѣ. И не только Рубинштейнъ-піанистъ меня увлекалъ и уносилъ, но не въ меньшей степени — Рубинштейнъ - дирижеръ, истолкователь симфоній и оперъ. Я помню въ его исполненіи наполнявшія душу свѣтлой, дѣтской радостью симфоніи Гайдна. Эти были мнѣ *до дна* понятны. Помню и симфоніи Бетховена, которыя тогда были мнѣ менѣе понятны: ихъ глубина еще недоступна отроческимъ годамъ. Помню, наконецъ, захватившее меня цѣликомъ исполненіе нѣкоторыхъ оперъ на ученическихъ спектакляхъ въ консерваторіи, въ особенности исполненіе безсмертнаго „Фрейшюца“ Вебера — мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ: съ тѣхъ поръ я никогда въ жизни не видалъ этой оперы. Но у меня остались въ памя-

ти каждая ея сцена, каждый ея звукъ. И это оттого, что я не только слышалъ, я въ теченіе цѣлаго года *переживалъ* эту оперу, благодаря тому, что я присутствовалъ не только на самомъ спектаклѣ, но и на многихъ ея репетиціяхъ. Я съ жадностью ловилъ всѣ замѣчанія Рубинштейна и потому зналъ не только какъ нужно, но и то, *какъ не нужно* исполнять „Фрейшюца“. Едва ли что-нибудь можетъ болѣе способствовать музыкальному развитію, чѣмъ такія репетиціи подъ управленіемъ гениальнаго руководителя-дирижера и въ то же время режиссера. Помню, какъ въ его передачѣ увертюра воспроизводила таинственную жизнь лѣса съ отдаленными звуками охотничьяго рога — волторны. Помню, какъ въ звукахъ вставалъ передо мной во весь ростъ мрачный образъ „чернаго охотника“, — лѣснаго діавола-Самгеля. Помню мистическій ужасъ „Волчьей долины“. Образы эти потомъ преслѣдовали меня днемъ и ночью, въ темной комнатѣ и особенно — въ лѣсной чащѣ, когда смеркнется: музыкальное воспоминаніе — источникъ сильнаго наслажденія — непосредственно переходило въ гнетущій ночной страхъ. Нужно было быть великимъ чародѣемъ искусства, чтобы такъ врѣзаться въ дѣтскую душу этотъ музыкальный образъ ада и ту радость освобожденія отъ ада, которая звучитъ въ заключительномъ хорѣ „Фрейшюца“! Кто слышалъ эту оперу въ исполненіи Рубинштейна и въ особенности на его репетиціяхъ, тотъ потомъ, закрывши глаза, можетъ слышать ее въ теченіе всей своей жизни. Вотъ и сейчасъ на разстояніи сорока четырехъ лѣтъ, отдѣляющихъ меня отъ этого спектакля, я могу отдыхать отъ тяжелыхъ переживаній современной русской драмы, внутренне воспроизводя въ мысли и въ слухѣ эти глубокіе, таинственные звуки темнаго лѣса и эту радость объ озарившемъ жизнь послѣ пережитаго ада — солнечномъ лучѣ! Вотъ что значитъ *музыкальный подъемъ надъ временемъ*. Какъ безконечно благодарно должно быть наше поколѣніе тѣмъ, кто далъ намъ его почувствовать.

Этотъ подъемъ, уносившій меня въ дѣтствѣ, былъ въ то время общимъ. Это была какъ-разъ эпоха поразительныхъ и могучихъ завоеваній музыки въ Россіи. Когда я началъ посѣщать симфоническіе концерты въ Москвѣ, все было полно воспоминаній о томъ, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ Н. Г. Рубинштейнъ создавалъ огромное дѣло изъ ничего. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ еще не было симфоническаго оркестра: симфоніи тогда исполнялись на нѣсколькихъ рояляхъ.

Потомъ явился оркестръ и хоръ, но концерты вначалѣ были пусты. До того музыка была иноземной гостьей въ Россіи и была знакома русской публикѣ почти исключительно въ видѣ итальянской оперы. И вдругъ поразительное оживленіе: въ 1875 — 76 году, когда я началъ посѣщать концерты, начинавшіеся въ 9 ч. вечера, намъ приходилось пріѣзжать съ восьми вечера, чтобы имѣть возможность найти сидячее мѣсто въ залѣ. Позднѣе, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, публика забиралась въ этотъ обширный залъ Дворянскаго Собранія уже съ 7 часовъ. Итальянская опера въ Императорскомъ Большомъ театрѣ въ то время доживала свои послѣдніе дни. Въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ она была замѣнена оперой русской.

На этихъ концертахъ чувствовалась какая-то жизнерадостная атмосфера, особая легкость духа, которая позднѣе исчезла. Что это такое было? Достаточно вспомнить хронологію музыкальнаго движенія въ Россіи съ шестидесятыхъ по восьмидесятыя годы, чтобы почувствовать его глубокую жизненную связь съ „эпохой великихъ реформъ“. Раньше русскаго національнаго движенія въ музыкѣ не существовало. Былъ одинокій гений — Глинка, переросшій своихъ современниковъ на полстолѣтія, но они его не понимали: русская мелодія его „Руслана“ оставалась имъ недоступной. Почему? Да потому, что тогдашнее культурное русское общество было отдѣлено отъ русской

народной пѣсни всею своею жизнью. И лишь немногимъ лучшимъ людямъ дано было видѣть, какъ живутъ и слышать, о чемъ поютъ по ту сторону перегородки, отдѣлявшей русское образованное общество отъ народа. Когда Тургеневъ въ своихъ „Пѣвцахъ“ далъ почувствовать своимъ современникамъ, что такое русская народная пѣснь, это было для нихъ настоящимъ откровеніемъ.

Нужно ли удивляться, что въ шестидесятыхъ годахъ, когда перегородка рухнула, у русскаго національнаго творчества выросли крылья! Какъ не понять, что именно въ это время композиторы стали особенно чутки къ народной русской пѣснѣ, и что именно тогда одни изъ нихъ стали искать народъ, а другіе его нашли!

Эпохи національнаго подъема бываютъ вообще эпохами повышенной чуткости. Поэтому неудивительно, что въ то время усилилась воспримчивость не только къ мелодіи національной, но и къ мелодіи міровой. Берлиозъ и Вагнеръ, пріѣзжавшіе въ Москву въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, были удивлены и обрадованы тѣмъ сочувственнымъ откликомъ, который они тамъ встрѣтили. Они почувствовали вѣяніе духа жизни въ нашей духовной атмосферѣ.

Помню волнующій мигъ, когда музыкальная мелодія явно для всѣхъ сплелась съ мучительными національными переживаниями того времени.

Среди произведеній Чайковскаго есть одно, мало знакомое и въ особенности мало понятное современному русскому обществу — „Русско-Сербскій маршъ“. Теперь слушатели отнеслись бы къ нему по меньшей мѣрѣ равнодушно. А между тѣмъ въ 1876 году оно вызвало цѣлую бурю восторга. Оно и не удивительно: Русско-Сербскій маршъ представляетъ собою произведеніе полу-музыкальное, полу-публицистическое: въ немъ выразились теперь забытыя чаянія русскаго національнаго движенія того времени.

Въ тѣ дни мы всѣ отъ мала до велика съ напря-

женнымъ вниманіемъ и глубокимъ волненіемъ слѣдили за событіями на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ послѣ возстанія Босніи и Герцоговины Сербія и Черногорія вступили въ неравную вооруженную борьбу съ Турціей. Въ рядахъ сербовъ, предводительствуемыхъ рускимъ генераломъ Черняевымъ, сражались русскіе добровольцы; по всей Россіи, даже въ захолустныхъ деревушкахъ, собирались щедрыя пожертвованія въ пользу сербовъ.

Даже простой народъ, начавшій въ ту пору усиленно читать газеты, былъ взволнованъ борьбой православныхъ противъ „поганыхъ“. Я помню, какъ въ одной сельской церкви въ Области Войска Донского, послѣ проповѣди, гдѣ священникъ призывалъ народъ оказать помощь единовѣрцамъ-славянамъ, было собрано на моихъ глазахъ семьдесятъ пять рублей въ пользу сербовъ и черногорцевъ. И вотъ, когда стали получаться извѣстія о катастрофическомъ положеніи на фронтѣ, — русское общественное мнѣніе стало единодушно требовать вмѣшательства Россіи въ войну. Правительство на это долго не соглашалось, а цензура неоднократно пыталась принудить печать къ молчанію. И вотъ, какъ-разъ въ эту пору Чайковскому удалось высказать въ своемъ „Русско-Сербскомъ маршѣ“ больше, чѣмъ можно было высказывать въ тогдашнихъ газетныхъ передовыхъ статьяхъ.

Маршъ начинается грустной славянской мелодіей; потомъ этотъ скорбный мотивъ угнетеннаго славянства смѣняется бойкимъ русскимъ маршемъ: это казаки и добровольцы идутъ на помощь. И въ самомъ концѣ марша въ видѣ пророчества раздаются побѣдные звуки русскаго національнаго гимна. Гвалтъ и ревъ, которые послѣ этого поднялись въ залѣ, не поддаются описанію. Вся публика поднялась на ноги; многіе повскакивали на стулья; къ крикамъ „браво“ примѣшивались крики „ура“. Маршъ заставили повторить, послѣ чего та же буря поднялась сызнова. Благодаря невозможности распространить цензуру на музыкальныя произведенія,

Чайковскому удалось устроить то, что казалось въ то время невозможнымъ, — внушительную общественную демонстрацію. Это была одна изъ самыхъ волнующихъ минутъ въ 1876 году. Въ залѣ многіе плакали! Это на моей памяти едва-ли не единственный концертъ, который получилъ значеніе политическаго событія.

III. Восточная война 1877—1878 года.

Намъ теперь трудно перенестись на точку зрѣнія русскаго общества въ 1876—1877 году, — до того тогдашняя политическая и общественная атмосфера была непохожа на современную. Это была атмосфера крестоваго похода въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что война, о которой тогда мечтали и которой такъ рѣшительно требовали отъ правительства патріотически настроенные люди, была въ буквальномъ и точномъ смыслѣ слова войной креста противъ полумѣсяца. И этой мыслью о войнѣ жили всѣ отъ мала до велика. Мы, школьники четвертаго класса — прочитывали всѣ газеты, какія попадали въ руки. Мои родители получали цѣлыхъ двѣ газеты — „Московскія Вѣдомости“ и издававшійся въ Петербургѣ „Голось“. Но мнѣ этого показалось мало, и я истратилъ свой собственный рубль, чтобы подписаться, хотя бы на одинъ мѣсяць, на патріотическую газету „Русскій Миръ“. Между нами — мальчуганами — война была всепоглощающей, единственной темой, вокругъ которой вращались всѣ разговоры. Статьи и рѣчи Ив. С. Аксакова въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онѣ печатались, были и у насъ главными событіями дня; а мысль о водруженіи Креста на храмъ Св. Софіи была одной изъ самыхъ популярныхъ въ школѣ. Съ волненіемъ и раздраженіемъ обсуждали мы въ антрактахъ между уроками дѣйствія правительства, негодовали противъ „дипломатовъ“ за ихъ антинаціональную „петербургскую“ политику и за ихъ стремленіе сдержать порывъ народ-

наго чувства. Александръ II былъ въ то время весьма любимъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества; но его колебанія и уступки западнымъ недоброжелателямъ Россіи — австрійцамъ и англичанамъ — порою вызывали и во взрослыхъ и въ насъ — дѣтяхъ движеніе нетерпѣнія. Когда, наконецъ, турки были остановлены въ своемъ движеніи на Бѣлградѣ ультиматумомъ императора Александра II, наступили дни всеобщаго ликованія. Русское общество, вынудившее Царя къ этому шагу вопреки его волѣ и въ особенности вопреки желанію правительства, торжествовало побѣду. И мы дѣти тоже радостно чувствовали, что одержана большая побѣда, *наша* побѣда. Когда Государь явился въ Москву и произнесъ въ кремлевскомъ дворцѣ свою знаменитую рѣчь съ фразой: „я самъ москвичъ и горжусь Москвой“, не только присутствующіе были потрясены до слезъ. Я помню, какъ радостныя слезы вызывались самымъ чтеніемъ рѣчи. Тутъ были и умиленіе и чувство національной гордости: послѣ долгихъ униженій Россіи было, наконецъ, удовлетворено чувство національнаго достоинства.

Тогда не было того раздвоенія въ образованномъ русскомъ обществѣ, которое сказалось такъ рѣзко въ дни японской войны, — „пораженцевъ“ не было вовсе; объ „интернационалистахъ“ тоже еще не было слышно. Была только немногочисленная группа такъ называемыхъ „петербургскихъ космополитовъ“ изъ аристократіи и сановниковъ, не хотѣвшихъ войны; къ нимъ густая масса русскаго общества относилась стихійно враждебно. Сомнѣнія въ патріотизмѣ Россіи и въ особенности въ патріотизмѣ простого русскаго народа въ то время не возникали; наоборотъ, идеализація русскаго мужика и русскаго солдата въ то время доходила до той степени преклоненія, которую теперь даже трудно себѣ представить. Простой народъ считался тогда главнымъ носителемъ, первоисточникомъ патріотизма, а отсутствіе патріотизма, согласно славянофильской формулѣ, признавалось грѣхомъ людей, „отор-

ванныхъ отъ народа“. Конечно, было не мало иллюзій въ этомъ настроеніи, но единодушіе было поразительное.

Оно стало еще единодушнѣе, когда началась война, всѣми давно желанная. Чтеніе Высочайшаго манифеста объ объявленіи войны Турціи — одно изъ самыхъ значительныхъ моихъ переживаній за всю мою жизнь. Мнѣ было тогда всего тринадцать лѣтъ, но ощущать Россію всѣмъ существомъ съ такой силой, какъ я ощущалъ ее тогда, мнѣ пришлось потомъ всего только одинъ разъ въ жизни — въ 1914 году, въ началѣ великой европейской войны. Помню, какъ мы съ братомъ Сергѣемъ тщетно усиливались тогда проникнуть въ Успенскій соборъ. Я былъ такъ притиснутъ толпой къ стѣнѣ, что чуть не лишился чувствъ. Я едва дышалъ. Мнѣ казалось: вотъ еще минута, и я упаду. Но надо мною на синемъ фонѣ весенняго неба горѣли золотыя главы соборовъ, и раздавался тотъ глубокой басъ колокола Ивана Великаго, отъ котораго пробѣгаетъ морозъ по кожѣ и дребезжатъ стекла въ окнахъ. И я чувствовалъ: вотъ торжество высшей Божьей правды, которую призвана осуществить на землѣ Россія! Что жъ изъ того, что вотъ сейчасъ меня раздавятъ, и меня уже больше не будетъ. Развѣ не счастье умереть въ такую минуту!

Въ Успенскій соборъ такъ и не удалось проникнуть, и мнѣ пришлось выслушать манифестъ въ Архангельскомъ соборѣ. Но я до сихъ поръ не знаю, проигралъ я отъ этого или выигралъ. Помню то сильное впечатлѣніе, какое произвели на меня въ эту минуту собранныя въ соборѣ гробницы Московскихъ Царей. Словно въ ихъ лицѣ всѣ умершія раньше поколѣнія, вся русская старина приобшлась къ великому дѣлу Россіи современной. И всѣ поколѣнія объединены подъ церковнымъ сводомъ въ мысли и торжествѣ Креста, которому должна служить Россія, освобождая отъ растерзанія христіанскіе народы во имя Христова! Чувство преемственной связи поколѣній, сознание един-

ства Россіи старой и новой въ Церкви и черезъ Церковь, — вотъ что чувствовалось въ эту великую минуту, вотъ о чемъ гудѣлъ на весь міръ соборный колоколъ, которому вторилъ въ храмѣ густой басъ дьякона, читавшаго манифестъ! Съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда я слышу звукъ этого колокола, во мнѣ воскресаетъ сознаніе нерушимаго единства мертвыхъ и живыхъ, единства Россіи въ Церкви и черезъ Церковь. Чувство это пробуждается всегда при видѣ московскихъ соборовъ: но особенно сильно захватываетъ оно во время пасхальной утрени и въ дни великихъ историческихъ минутъ народной жизни. И теперь, созерцая умомъ издалека эти соборы, сейчасъ занятые и оскверняемые хулителями изъ латышей и евреевъ, испытываешь то же ощущеніе *неумирающей жизни*, какъ и въ прежніе счастливые дни, когда Россія была велика, едина и свободна. *Та Россія, которая вѣками сознавала и утверждала свое единство подъ сѣнью этихъ храмовъ, не можетъ умереть!* И каковы бы ни были издѣвательства хулителей, каковы бы ни были впереди испытанія и препятствія, *эта Россія воскреснетъ!* Она жила и будетъ жить для вѣчности!

Впослѣдствіи, въ дни религіознаго охлажденія, намъ стала мало понятна духовная атмосфера прежнихъ восточныхъ войнъ. Въ дни міровой войны мы слышали преимущественно разсужденія о стратегической и экономической необходимости завоеванія проливовъ для Россіи. Потомъ, въ дни революціи, этимъ воспользовалась революціонная пропаганда, которая успѣла внушить народнымъ массамъ мысль о чисто империалистическихъ побужденіяхъ нашей войны съ Турціей. Не то было въ 1876—1877 году: тогда о какихъ-либо матеріальныхъ выгодахъ для Россіи не было рѣчи ни въ лагерѣ сторонниковъ, ни въ лагерѣ противниковъ войны. Освобожденіе единовѣрныхъ и родственныхъ намъ по крови народовъ изъ подъ мусульманскаго ига выдвигалось, какъ единственная цѣль

войны. Территоріальныя приобрѣтенія, сдѣланныя въ послѣдствіи, были *результатомъ* военныхъ успѣховъ, но отнюдь не цѣлью военныхъ дѣйствій. Война была отъ начала до конца *безкорыстной, романтической*. Ея побужденія будутъ болѣе понятными теперь поколѣнію, пережившему великое религіозное движеніе, въ званное революціей. И только тогда, когда мы поймемъ и почувствуемъ эти побужденія, Россія вновь станетъ Россіей: ея національное единство держится исключительно той духовной связью, которая связываетъ преемственный рядъ поколѣній. Революція наглядно показала, что забвеніе этой связи влечетъ за собой утрату родины: вотъ почему теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо о ней вспомнить!

Въ моихъ отроческихъ воспоминаніяхъ вся война 1877-1878 года окрашивается тѣми переживаніями, которыя мнѣ дано было испытать въ Кремлѣ, при чтеніи манифеста. Отъ начала и до конца она была проявленіемъ крѣпкаго національнаго единства. Тогда не было и тѣни тѣхъ взаимныхъ подозрѣній, которыя теперь отравляютъ отношенія между классами. Наоборотъ, это была эпоха небывалаго сближенія между образованными классами и народомъ: была твердая почва для общенія, былъ и общій языкъ для взаимнаго пониманія. Оно и понятно: *цель войны* — освобожденіе *своихъ православныхъ* отъ иновѣрныхъ мучителей — была непосредственно понятна народнымъ массамъ, а потому всякій образованный человѣкъ, который говорилъ съ простымъ крестьяниномъ и солдатомъ на эту тему, былъ для него *свой*. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что русскій солдатъ въ то время дѣлалъ чудеса, которыя послѣ этого, къ сожалѣнію, не повторялись. Изъ всѣхъ описаній военныхъ дѣйствій подъ Плевной, на Шипкѣ и въ особенности зимняго перехода черезъ Балканы, мнѣ врѣзалась въ память одна черта: всѣ описывавшіе свидѣтельствовали, что солдаты и офицеры были тогда *одно*. Общія страданія и лишенія не вызывали ни ропота, ни

взаимныхъ подозрѣній, не отталкивали ихъ другъ отъ друга, а, наоборотъ, сближали. И это потому, что не было сомнѣній въ правдѣ и святости того общаго дѣла, которому служили тѣ и другіе. А между тѣмъ въ тѣ дни, когда интендантство одѣвало солдатъ куда хуже, чѣмъ теперь, и кормило ихъ гнилымъ мясомъ, да червивыми сухарями, сколько было поводовъ обвинять власть въ предательствѣ! Къ какимъ только подозрѣніямъ не давали повода тяжелыя неудачи въ началѣ войны, вызванныя плохой организаціей и непростительными ошибками начальства, совершенно не знавшаго силъ противника. Но патриотизмъ солдата и офицера выдержалъ тогда самыя тяжкія испытанія, потому что онъ утверждался на крѣпкой духовной основѣ!

Настроеніе фронта находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ тыла. Въ началѣ войны я наблюдалъ это настроеніе въ Москвѣ, потомъ въ деревнѣ въ Московской губерніи, потомъ въ Калугѣ, гдѣ, вслѣдствіе переѣзда туда моей семьи, я поступилъ въ гимназію съ осени 1877 года. И за весь годъ войны я не помню ни одного проявленія той деморализаціи, которая замѣчалась въ дни войны японской или въ дни нашихъ неудачъ во время великой европейской войны. Я помню энтузіазмъ въ началѣ войны, когда въ городахъ и деревняхъ жадно ловили извѣстія, восторженно привѣтствуя всякій геройскій подвигъ и устраивая триумфальныя встрѣчи поѣздамъ съ ранеными. Потомъ я вспоминаю минуты тяжелой скорби и мучительной тревоги во время плевненскихъ неудачъ и шипкинскихъ дней, когда, казалось, русская армія находится на волоскѣ отъ гибели. Одни молились, другіе приходили въ ярость, говоря о преступномъ легкомысліи властей, третьи безмолвно и тихо страдали. И всѣ, кто могъ, жертвовали и помогали устройству санитарной помощи. Словомъ, это было то настроеніе, которое всѣмъ намъ такъ знакомо по 1914 году. Но той апатіи и индифферентизма, кото-

рые замѣчались въ болѣе позднія даты великой европейской войны, не было и слѣда. Все время чувствовалось бодрое настроеніе молодой, свѣжей и крѣпкой націи, которая не слишкомъ довѣряетъ своему правительству и даже, по русскому обычаю, отчасти его критикуетъ, но за то полна вѣры въ себя и въ свое будущее.

Деморализація пришла уже потомъ, *послѣ окончанія* побѣдоносной войны, когда побѣдоносныя войска наши были остановлены у воротъ Константинополя враждебнымъ намъ вмѣшательствомъ Англій и Австріи, которое грозило уничтожить всѣ результаты нашихъ побѣдъ! Тогда русское общество не могло простить Александру II-ому, зачѣмъ онъ внялъ этимъ угрозамъ. Его обвиняли въ малодушіи и безхарактерности. Осуждали и великаго князя главнокомандующаго, который, по мнѣнію многихъ, долженъ былъ дерзнуть, послушаться приказа и на свой страхъ и рискъ войти въ Константинополь. Деморализація достигла крайняго предѣла, когда малярія и тифъ во время стоянки въ Санъ-Стефано, у воротъ Константинополя, стали косить больше жертвъ, чѣмъ непріятельское оружіе во время войны, и въ это время Россія пошла на судъ передъ ареопагомъ великихъ державъ, собравшихся на Берлинскій конгрессъ. Деморализація была вызвана миромъ, а не войною.

И все-таки, даже послѣ заключенія мира, я помню минуты свѣтлаго подъема. Это было при встрѣчѣ побѣдоносныхъ войскъ, возвращавшихся въ Россію изъ Турціи. Вспоминается мнѣ, напримѣръ, день торжественнаго вступленія Кіевскаго Гренадерскаго полка на постоянную стоянку въ городъ Калугу. Весь городъ высыпалъ ему навстрѣчу. Въ учебныхъ заведеніяхъ были отмѣнены уроки; и наша гимназія въ полномъ составѣ двинулась на площадь, гдѣ происходилъ полковой парадъ. Потомъ съ утра до вечера на улицахъ шель народный праздникъ, закончившійся иллюминаціей. Гостей поили, кормили, качали, кричали имъ:

„ура“ при каждой встрѣчѣ. Помню, какъ мы — гимназисты — въ этотъ день гордились „плевненскими героями“: Кіевскій полкъ принадлежалъ какъ разъ къ той славной второй гренадерской дивизіи, которая играла главную роль при взятіи Плевны.

Среди молодежи въ то время не было и слѣда тѣхъ антимилитаристическихъ теченій, которыя потомъ отравили не только наши университеты, но и гимназій. Мы всѣ были объединены чувствомъ восторга и благоговѣнія передъ великимъ ратнымъ подвигомъ русскаго солдата и офицера. Словомъ, и въ побѣдахъ своихъ, и въ неудачахъ и разочарованіяхъ, въ мирѣ, какъ и въ войнѣ, Россія все-таки чувствовалась нами, какъ *единая* и притомъ *великая* нація. Національное чувство тогда ничѣмъ не было оскорблено или унижено. Испытанія, какъ и побѣда, только усиливали внутреннее объединеніе. Съ тѣхъ поръ за всю мою жизнь я не помню столь безграничнаго и радостнаго ощущенія *національнаго здоровья*. Куда оно дѣвалось потомъ? Какъ могла зародиться и развиваться въ послѣдующія десятилѣтія та роковая болѣзнь, которая теперь разрушила Россію? Увы, первые признаки этой болѣзни стали сказываться почти тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ войны. Но объ этомъ придется говорить уже въ послѣдующихъ частяхъ этихъ воспоминаній.

IV. Гимназическіе годы въ Калугѣ.

Вслѣдствіе разстройства дѣлъ моего отца, онъ вынужденъ былъ искать службы въ провинціи и въ 1876 году былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Калугу. Это и было причиною нашего общаго туда переѣзда, который состоялся осенью 1877 года.

Уже во второмъ полугодіи 1876 — 77 года мы съ братомъ покинули гимназію Креймана и стали готовиться подъ руководствомъ приходящихъ на домъ учителей къ экзамену въ казенную калужскую гим-

назію. Весной мы выдержали экзамень въ пятый классъ и осенью туда поступили. Съ этой минуты начинается новый періодъ нашей школьной жизни, о которомъ я вспоминаю съ несравненно большимъ удовольствіемъ, чѣмъ о гимназіи Креймана.

Весь духъ школы былъ здѣсь совсѣмъ другой, чѣмъ тамъ. Недостатки толстовской гимназіи, конечно, чувствовались и здѣсь, но, по сравненію съ гимназіей Креймана, въ значительно смягченной формѣ. Здѣсь въ Калугѣ были нѣкоторые учителя — чиновники. Чиновниками были въ частности директоръ и инспекторъ, хотя оба были въ сущности не дурные люди. Но въ калужской гимназіи не было карьеристовъ. Странное дѣло, въ отличіе отъ *частной* гимназіи Креймана, — въ этой *казенной* гимназіи никто не дѣлалъ карьеры на классицизмѣ, а потому и всѣ отношенія были проще и естественнѣе. Въ нихъ не только не было фальши; напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учителей была та сердечная теплота, благодаря которой и по выходѣ нашемъ изъ гимназіи между нами сохранилась тѣсная духовная связь до самой ихъ смерти. Я имѣю въ виду въ особенности учителя древнихъ языковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нашего класснаго наставника — Емельяна Ивановича Городскаго и нашего законоучителя — протоіерея Александра Ивановича Ростиславова.

Первый — галичанинъ, уніатъ, обратившійся въ православіе, былъ человѣкъ совершенно исключительной доброты; онъ горячо привязался къ нашему классу, который ему пришлось вести вплоть до окончанія гимназическаго курса, былъ нашимъ ходатаемъ во всякія трудныя минуты жизни, горой стоялъ за насъ, когда намъ грозило какое-либо суровое наказаніе, но при этомъ совершенно не подозрѣвалъ обо всѣхъ нашихъ школьныхъ продѣлкахъ и безгранично намъ вѣрилъ въ безпредѣльной наивности своей чистой души. И надо отдать намъ справедливость, — мы всячески злоупотребляли этимъ довѣріемъ.

Захочется, бывало, кому-нибудь уйти домой до окончания урока, Емельянъ Ивановичъ всегда вѣритъ выдуманной болѣзни; мнѣ однажды случилось лежать у него на урокъ. Меня закрывала парта, и я думалъ, что останусь незамѣченнымъ. Но Емельянъ Ивановичъ увидалъ и заволновался. „То что съ Вами, Трубецкой. А — а, онъ боленъ, шатается, пойдите домой, ложитесь въ кровать сейчасъ“. Я не заставилъ себѣ повторять два раза этого приглашенія и съ радостью пошелъ домой, хотя былъ совершенно здоровъ. Въ другой разъ на письменномъ латинскомъ экзаменѣ надзиравшій за нами учитель замѣтилъ, что я черезчуръ усердно поглядываю въ тетрадь сосѣда и отсидилъ меня на кафедре. Узнавъ объ этомъ, Городскій негодовалъ на педагога. „То оскорбилъ подозрѣнiемъ Трубецкого“. Бѣдный! Онъ не зналъ, что въ его классѣ только лѣнивый не списываетъ у товарищей.

Шуму и шалостей въ классѣ у него было сколько угодно: это его утомляло, потому что онъ страдалъ чахоткой и всегда мучительно кашлялъ. Но къ „мѣрамъ строгости“ онъ былъ рѣшительно неспособенъ. Я отличался особенно безпокойнымъ нравомъ, но тѣмъ не менѣе былъ очень имъ любимъ. Какъ то разъ я долго отсутствовалъ по болѣзни, а потомъ, явившись въ классъ, съ мѣста началъ шумѣть. „А, то Трубецкой пришелъ, то опять начнутся безобразія“, — жалобно произнесъ Емельянъ Ивановичъ и закашлялъ. Я устыдился и затихъ. Только этой добротой онъ насъ и держалъ: совѣстно было утомлять больного, и былъ нѣкоторый страхъ „подвести Емельяна передъ начальствомъ“ чрезмѣрнымъ шумомъ, какъ говорили у насъ въ классѣ. И чѣмъ больше мы выросли, тѣмъ бережнѣе къ нему относились. Какъ то разъ, болтая съ нами между уроками, онъ проговорился, что „мечта его жизни — имѣть альбомъ съ музыкой“. Эта мысль намъ запала. И вотъ, окончивъ экзаменъ зрѣлости, мы явились къ нему всѣмъ классомъ и подарили аль-

бомъ съ фотографическими карточками. Когда, вдругъ, изъ альбома раздалась музыка. Емельянъ Ивановичъ былъ такъ растроганъ, что не могъ сказать ни единого слова, убѣжалъ въ другую комнату и расплакался.

Какъ педагогъ, онъ отличался совершенно исключительно по тогдашнему времени чертою: онъ не любилъ грамматики и никогда ее не спрашивалъ, обращая вниманіе исключительно на практическое умѣнье читать классиковъ и переводить съ русскаго на древніе языки. Иначе говоря, онъ пренебрегалъ именно тѣмъ, на чемъ тогда дѣлали карьеру. Не знаю, какъ это случилось, но мы у него въ самомъ дѣлѣ недурно переводили писателей, даже экспромтомъ. Я говорю — „не знаю какъ“, потому что готовилъ у него урокъ только тотъ, кто хотѣлъ. Бывало кто — нибудь одинъ приготовить дома классика, а потомъ передъ урокомъ прочтетъ его и переведетъ вслухъ товарищамъ. Съ этимъ мы и выходили отвѣчать урокъ. И отвѣчали ничего, благополучно. Огъ времени до времени, впрочемъ, каждый дѣлалъ переводъ самостоятельно, такъ что умѣли переводить *всѣ*. Когда во мнѣ пробудился интересъ къ греческой философіи, оказалось, что я достаточно подготовленъ къ тому, чтобы читать Платона и Аристотеля по гречески (конечно, съ помощью „нѣмца“ въ трудныхъ мѣстахъ), а по-латыни читалъ даже совсѣмъ свободно. И это несмотря на то, что Емельянъ Ивановичъ „не спрашивалъ грамматики.“ Явное доказательство того, до чего ходячее въ то время увлеченіе ею было преувеличено. Но все таки и безъ грамматики чтеніе классиковъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно производилось у насъ, было занятіемъ довольно-таки никчемнымъ: *смыслъ* прочитаннаго все-таки пропускался. И это не потому, чтобы этого хотѣлъ Емельянъ Ивановичъ. Но задача — проникнуть въ смыслъ древней литературы была не по силамъ ни ему, ни кому либо вообще изъ тѣхъ *среднихъ* педагоговъ, которые въ гимназіяхъ составляютъ подавляющее большинство. Все, что онъ могъ дать, онъ

далъ, — умѣнье переводить классиковъ и даже читать довольно свободно. Но какая уйма времени тратилась въ тогдашней классической гимназiи, чтобы достигнуть только этого. Я не только не сомнѣваюсь въ томъ, что можно добиться тѣхъ же результатовъ въ гораздо меньшій срокъ, я имѣю на это наглядное доказательство.

Перейдя въ VI классъ гимназiи, я заболѣлъ серьезно кровохарканiемъ; и родители мои, опасаясь чахотки, взяли меня домой на отдыхъ, намѣреваясь оставить меня на второй годъ: поэтому учителей для меня они не пригласили. Но мысль объ оставленiи на второй годъ настолько мнѣ претила, что я сталъ заниматься, дѣлая всѣ тѣ приготовленiя, которыя задавались въ классѣ моему брату. На весь гимназическiй курсъ я тратилъ *ровно три часа въ день*, переводилъ самостоятельно и даже письменно всѣхъ классиковъ, которые читались въ моемъ классѣ. Товарищи, поддерживавшіе со мною отношенiя черезъ брата, даже пользовались моими переводами. Въ результатъ мои занятiя сократились на цѣлыхъ *пять часовъ*, такъ какъ обыкновенно ученикъ просиживаетъ пять часовъ въ классѣ, а затѣмъ еще часа три готовить уроки. И въ концѣ концовъ весною 1879 года я выдержалъ экзамень въ седьмой классъ на однѣхъ пятеркахъ. Останься я въ гимназiи, я былъ бы подготовленъ куда хуже, въ виду гимназическаго обычая — работать по древнимъ языкамъ несамостоятельно!

Главная масса времени тратилась совершенно непроизводительно на древнiе языки; прочiе предметы были въ загонѣ, а между тѣмъ многiе другiе предметы давали для развитiя значительно больше, особенно когда учителя были съ огонькомъ.

Я упомянулъ здѣсь имя протоiеря А. И. Ростиславова. Это былъ человекъ, который дѣйствительно дѣлалъ свое дѣло съ любовью и увлеченьемъ, несбыкновенно талантливо и живо рассказывалъ, въ особенности церковную исторiю, въ которой былъ весь-

ма начитанъ. Къ сожалѣнію, я не извлекъ изъ его уроковъ всего, что могъ, потому что въ VI и VII классѣ продѣлывалъ мой нигилистическій періодъ, который въ VIII классѣ закончился. Но все-таки я достаточно его слушалъ, чтобы имѣть возможность оцѣнить рѣдкую свѣжесть ума и горячность души этого человѣка, всегда воодушевлявшагося разговоромъ, сколько бы разъ не приходилось рассказывать. И этимъ онъ увлекалъ классъ. Съ учениками у него также нерѣдко устанавливались сердечныя отношенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ любимый духовникъ тѣхъ, которые сохранили вѣру. Въ этомъ качествѣ я узналъ его ближе, когда я возвратился къ вѣрѣ. Наши отношенія продолжались даже по окончаніи университетскаго курса. Уже въ то время, когда, будучи кандидатомъ правъ, я отбывалъ воинскую повинность далеко отъ Калуги за городомъ, я былъ несказанно тронутъ посѣщеніемъ батюшки Ростиславова, который пришелъ туда навѣстить меня пѣшкомъ.

Вспоминая калужскую гимназію на разстояніи сорока съ лишнимъ лѣтъ, я вообще удивляюсь тому, какія силы были у насъ тогда въ захолустной провинціальной школѣ. Былъ у насъ тамъ, на примѣръ, совсѣмъ не заурядный учитель русскаго языка — Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ, который преподавалъ намъ исторію словесности въ пятомъ классѣ. Онъ далъ намъ всѣмъ, а въ частности мнѣ — сильный толчокъ ко вдумчивому чтенію русскихъ поэтовъ. А его бесѣды въ классѣ по поводу нашихъ русскихъ сочиненій болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе уроки, двигали наше умственное развитіе. Онъ имѣлъ обыкновеніе заставлятъ прочитывать вслухъ какое-либо одно изъ написанныхъ на заданную тему сочиненій, сопровождая чтеніе разборомъ, за которымъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ весь классъ, послѣ чего дѣлалъ замѣчанія о каждомъ изъ нашихъ сочиненій въ отдѣльности. Мы всѣ очень многому научились изъ этихъ замѣчаній относительно того, какъ надо и какъ не надо

писать. А ожиданіе, что сочиненіе можетъ быть прочитано вслухъ передъ классомъ, вызывало соревнованіе и побуждало къ удвоенному старанію. Всякому хотѣлось „не ударить лицомъ въ грязь передъ классомъ“; чтеніе сочиненій ожидалось съ волненіемъ, тѣмъ болѣе, что замѣчаніямъ Владиміра Алексѣевича всѣ очень вѣрили.

Къ сожалѣнію, не везло въ то время выдающимся людямъ въ педагогической средѣ. Чиновниковатый директоръ, привыкшій царствовать въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, не любилъ Яковлева за самостоятельность, а подчасъ и рѣзкость сужденій и жаловался на него начальству. Начальство „для блага службы“ перевело Яковлева въ какой-то уѣздный городъ, а онъ „для блага службы“ подалъ въ отставку. Для насъ это была невознаградимая потеря, и три старшихъ класса послали Яковлеву прочувствованный адресъ. Ему же эта отставка послужила на пользу: она ускорила его приготовленіе къ магистерскому экзамену, которое раньше откладывалось имъ въ долгій ящикъ; въ непродолжительномъ времени онъ занялъ кафедру въ одномъ изъ нашихъ южныхъ университетовъ, кажется, въ Новороссійскомъ. Не поладилъ съ начальствомъ и былъ переведенъ въ уѣздное захолустье и любимый нами Городскій. Но это случилось уже по выходѣ нашемъ изъ гимназіи.

Преподаваніе математики въ Калужской гимназіи также было поставлено очень хорошо. Въ нашемъ классѣ былъ превосходный и очень знающій преподаватель — математикъ, полякъ — Юліанъ Станиславовичъ Козляновскій, умѣвшій заставлять насъ работать. Такіе преподаватели, какъ онъ, Яковлевъ и Ростиславовъ, — сдѣлали бы честь любой гимназіи. Если эти люди не дали намъ всего, что по своимъ личнымъ качествамъ они могли бы дать, — виноваты въ этомъ не они, а тѣ общія условія русской школы и русской жизни, которыя парализовали ихъ усилія, а Яковлева прямо — таки вышвырнули за бортъ. Но прежде, чѣмъ

перейти къ этимъ общимъ условіямъ, я долженъ дать здѣсь еще одну характеристику.

Во всѣхъ классахъ и по всѣмъ предметамъ мы такъ или иначе, съ грѣхомъ пополамъ, учились. Но былъ одинъ предметъ, по которому мы, начиная съ V-го, по VIII-ой классъ рѣшительно ничего не дѣлали.

Это былъ французскій языкъ. У насъ не было обычая даже брать съ собой французскія учебныя книги въ классъ. Никто никогда не зналъ даже, что намъ задано: я даже не помню, задавались ли намъ когда-нибудь какія-либо приготовленія по французскому языку. Это было возможно частью благодаря своеобразному отношенію толстовской гимназіи къ новымъ языкамъ, частью же благодаря личности преподавателя. Федоръ Федоровичъ Бидо, такъ звали нашего швейцарца учителя, не любилъ занятій, и весь урокъ его сводился къ разговорамъ съ нами. „Я нахожу, что съ молодежь надо бить снисходительно“, говаривалъ онъ въ оправданіе своего образа дѣйствій. И урокъ превращался въ балаганъ, несмотря на почтенный видъ старца преподавателя. Когда мы у него лежали въ классѣ, онъ предлагалъ подушку: „monsieur, voulez vous un coussin?“ Доходило до того, что къ нему являлись въ классъ съ намалеванными на мундирѣ орденами. Когда же безобразіе становилось слишкомъ шумнымъ, онъ говорилъ: „тише, господа, сейчасъ инспекторъ придетъ“.

Однажды на его урокѣ случился анекдотъ, ярко характеризующій бытъ тогдашней провинціальной гимназіи. Братъ мой, любившій балагурить, завелъ съ Бидо разговоръ о Швейцаріи „зачѣмъ у васъ тамъ, Федоръ Федоровичъ, Монбланъ стоитъ, только дорогу преграждаетъ: никому отъ него ни прохода, ни проѣзда, вѣдь это безпорядокъ! Вотъ до чего доводитъ республиканскій образъ правленія. То-ли дѣло у насъ: кабы завелся въ Россіи гдѣ-либо эдакій Монбланъ, тотчасъ исправникъ, либо губернаторъ распорядился бы убрать его прочь съ дороги: и ни-

какого Монблана бы не было“. Федоръ Федоровичъ заступился за свою родину: „нитшево ви не понимаетъ, у насъ порядокъ больши Вашъ“. Мы, разумѣется, тотчасъ забыли объ этомъ разговорѣ въ числѣ множества другихъ, ему подобныхъ, если бы не разыгравшееся по его поводу „событіе“. На слѣдующій урокъ Бидо пришелъ мрачный и гнѣвно потребовалъ книгъ для занятій. „Что Вы, Федоръ Федоровичъ“, отвѣчали мы ему, „вѣдь книгъ у насъ который годъ въ заводѣ нѣтъ; да что же случилось, наконецъ?“ „Случилось то, — что послѣ прошлаго урока наши отношенія должны рѣзко измѣниться. Въ первый разъ въ жизни я на старости лѣтъ подвергся изъза Васъ выговору. Нѣтъ, я больше не могу имѣть къ Вамъ довѣрія.“ И Бидо рассказалъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что кто-то изъ родителей, услышавъ о происходившемъ у насъ въ классѣ разговорѣ, пожаловался директору. Директоръ вызвалъ старика и сдѣлалъ ему форменный разносъ. „Я понимаю“ — сказалъ онъ, „что Вы, какъ швейцарскій гражданинъ, можете держаться республиканскаго образа мыслей; но до свѣдѣнія моего дошло, что Вы ведете съ учениками въ классѣ недопустимыя бесѣды о преимуществахъ республики передъ монархіей. Я рѣшительно предлагаю Вамъ впредь воздерживаться отъ политическихъ разговоровъ въ классѣ.“ Инцидентъ окончился извиненіями съ нашей стороны, послѣ чего мы поднесли Бидо прочувствованный адресъ на французскомъ языкѣ. Старикъ былъ окончательно растроганъ и оставилъ мысль о „занятіяхъ“. Разговоры продолжались въ прежнемъ видѣ, но только о Монбланѣ и о Швейцаріи мы говорить избѣгали. Однако, впоследствии уже по окончаніи гимназіи карьера Бидо окончилась неблагополучно. Кто-то донесъ о томъ, какъ онъ „занимается“ съ учениками, и его „убрали“ въ какой-то уѣздный городъ. Изъ трехъ случаевъ примѣненія этой кары къ моимъ учителямъ это былъ единственный не совсѣмъ несправедливый.

Полицейское направленіе, характеризовавшее русскую школу и всю дѣятельность министерства народного просвѣщенія, ярко сказалось въ этомъ эпизодѣ. Въ Калугѣ оно вообще смягчалось провинціальнымъ благодушіемъ. Однако, и здѣсь полицейскій духъ иногда проявлялся въ отталкивающихъ формахъ. Практиковался у насъ, напримѣръ, такъ называемый „внѣшкольный надзоръ надъ учащимися“. Онъ возлагался на надзирателей гимназій — людей безъ образованія и внушавшихъ въ общемъ мало уваженія учащимся. Ихъ умственный и нравственный уровень былъ невысокъ: иначе, конечно, и не могло быть въ виду грошоваго жалованія, которое они получали. Былъ, напримѣръ, надзиратель, извѣстный своимъ пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Если ему случалось уличить гимназиста въ посѣщеніи пивной, лучшей способъ избѣжать отвѣтственности заключался въ томъ, чтобы его самого завлечь въ пивную и тамъ поднести ему стаканчикъ — другой. Тогда онъ, разумѣется, *не доносилъ*. Посылались эти господа каждый вечеръ въ мѣста, наиболѣе посѣщаемыя гимназистами — зимою въ театръ, а весною и осенью на бульваръ. А на другой день директоръ отчитывалъ или наказывалъ всѣхъ, замѣченныхъ въ безобразіяхъ, въ несоблюденіи формы, куренія и т. п. гимназическихъ преступкахъ. Гимназисты знали, что это результатъ донесеній Михаила Петровича и издѣвались. Являлся, напримѣръ, гимназистъ на бульваръ нарочно съ огромнымъ турецкимъ чубукомъ. На другой день его вызывалъ директоръ и дѣлалъ замѣчаніе за недозволенное гимназисту „хождение съ тросточкой“. А гимназистъ уличалъ надзирателя во лжи, доказывая, что у него въ рукахъ была не тросточка, а купленный у военно-плѣннаго турка чубукъ. „Вотъ, молъ, какъ надзираетъ Михаилъ Петровичъ.“ Однажды, когда вслѣдствіе донесенія одному изъ товарищей серьезно попало, мы отправились всѣмъ классомъ „отчитывать Михаила Петровича“. Въ результатѣ вышелъ инцидентъ, который вѣззался мнѣ

въ память, какъ яркая характеристика тогдашнихъ школьныхъ нравовъ.

Михаилъ Петровичъ, когда мы его окружили и всѣмъ классомъ стали требовать объясненія, съ перепуга началъ кричать. Мы обидѣлись и тоже возвысили голосъ. Гимназисты младшихъ классовъ, не разобравъ, въ чемъ дѣло, подняли гамъ, явно сочувственный намъ, — что-то вродѣ кошачьяго концерта. Михайло Петровичъ побѣждалъ жаловаться начальству на насъ, а мы — на Михаила Петровича. Онъ обвинялъ насъ въ „бунтѣ“, мы — восьмиклассники — жаловались, что онъ „кричитъ на насъ, какъ на маленькихъ пригостишекъ“. Директоръ и инспекторъ не на шутку переполошились. Съ первыхъ же словъ намъ стало ясно, что директоръ заподозрилъ въ этомъ столкновении „политическую подкладку“. Онъ объявилъ намъ, что обо всемъ этомъ случаѣ онъ „доложитъ педагогическому совѣту“. Мы съ трудомъ удерживали улыбку, зная, что „педагогическій совѣтъ“ сводится къ волѣ директора. Къ счастью нашему инцидентъ совпалъ съ „диктатурою сердца“ Лорисъ-Меликова и съ управленіемъ либеральнаго министра А. А. Сабурова въ нашемъ министерствѣ. Директоръ счелъ нужнымъ показать „гуманное обращеніе“.

На другой день къ великой нашей радости урокъ физики былъ отмѣненъ. Директоръ объявилъ: „Совѣтъ всѣмъ вамъ сбавилъ по баллу за поведеніе“ и началъ длинное увѣщаніе не вѣрять тому, что пишутъ газеты: „вѣдь это же“, говорилъ онъ, „чисто денежная спекуляція, рассчитанная на легковѣріе молодежи. Вотъ вы, теперь на школьной скамьѣ, какого требуете себѣ почтенія, какъ щепетильны насчетъ вѣжливаго съ вами обращенія. А кончите курсъ, поступите на службу, — какими будете почтительными чиновниками“. Потомъ онъ взялъ тонъ сердечнаго о насъ попеченія. Такъ прошелъ часъ; мы молчали, не зная, чего онъ отъ насъ хочетъ. Вдругъ кто-то догадался. Раздался голосъ: „Благодаримъ Васъ, Петръ Сергѣевичъ“. Ди-

ректоръ просіялъ и сказалъ, что онъ со своей стороны „будеть ходатайствовать передъ Совѣтомъ о смягченіи намъ кары“. Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ класса и ровно черезъ пять минутъ вернулся съ извѣстіемъ: „Совѣтъ рѣшилъ не сбавлять вамъ балла за поведеніе“. Мы опять благодарили; и когда онъ ушелъ, послѣдовалъ единодушный взрывъ веселаго настроенія по поводу внезапнаго измѣненія настроенія совѣта.

Особенно остро съ полицейской точки зрѣнія стоялъ вопросъ о русскихъ сочиненіяхъ. Русское сочиненіе гимназиста въ то время было пробнымъ камнемъ благонадежности не только для него самого, но и для его учителя. Не у насъ въ гимназіи, а въ округѣ, по словамъ учителей, неоднократно повторялись случаи увольненія или перевода учителя за признакъ „вольнаго духа“ въ сочиненіяхъ его учениковъ. Опасность была велика, въ особенности въ виду неопредѣленности такихъ понятій, какъ „вольный духъ“ и „благонадежность“. Помнится, въ это самое время калужскій директоръ народныхъ училищъ нашелъ въ одной школѣ раскрашенныя картины съ изображеніемъ звѣрей и на этомъ основаніи заподозрилъ учителя въ „дарвинизмъ“. Неудивительно, что учителя относились къ нашимъ сочиненіямъ съ нѣкоторымъ трепетомъ. Гимназисты, любившіе щеголять ученостью, охотно ссылались на Бокля, Спенсера и иныхъ болѣе или менѣе заподозрѣнныхъ писателей. Они не рѣшались ссылаться на Добролюбова и Писарева, которые были запрещены цензурою, изъ опасенія, что за это можно вылетѣть изъ гимназіи. Еще опаснѣе цитать были „мысли“. И вотъ, учителя жили въ вѣчномъ опасеніи, что пріѣдетъ окружной инспекторъ, потребуетъ ученическія тетрадки на прочтеніе и взыщетъ за „мысли“ не съ авторовъ, а съ ихъ наставниковъ. Мы — гимназисты — прекрасно это понимали и издѣвались надъ нелюбимыми учителями.

Какъ разъ послѣ удаленія любимаго всѣми Яко-

влева, преподаваніе русскаго языка перешло въ руки неспособному, неумному и вдобавокъ несимпатичному преподавателю изъ семинаровъ, А. Н. Троицкому, который раздражалъ насъ тѣмъ, что задавалъ темы, частью прописныя, вродѣ „Не все то золото, что блеститъ“, частью глупыя („Былъ ли Гомеръ слѣпъ“? и „Почему греки представляли его слѣпымъ“?), частью фарисейскія, напр. „О вредѣ готовыхъ переводовъ при приготовленіи уроковъ по древнимъ языкамъ“. Особенно возмутила насъ послѣдняя тема, вынуждавшая кривить душой. Между нами почти не было такихъ, которые бы не воспользовались готовымъ переводомъ при возможности это сдѣлать. Я пробовалъ объясниться съ учителемъ, но только вызвалъ этимъ рѣзкости съ его стороны. Тогда я и нѣкоторые другіе товарищи стали мстить и издѣваться. Одни задавались вопросомъ, какъ можно рѣшить, былъ ли Гомеръ слѣпъ, когда неизвѣстно, существовалъ ли онъ въ дѣйствительности. Другіе по вопросу о готовыхъ переводахъ доказывали, что они „вредны для глазъ“, такъ какъ обыкновенно напечатаны мелкимъ шрифтомъ, третьи, и я въ томъ числѣ, работая на тему „не ропщите“, доказывали, что ропоть полезенъ, ибо онъ служитъ „факторомъ прогресса“. Для вразумленія я ссылался на Сабурова и Лорисъ-Меликова, которые даютъ просторъ „свободному выраженію общественнаго мнѣнія“.

Учитель не на шутку испугался. Когда пришло время раздавать сочиненія и разбирать ихъ — мое сочиненіе не было выдано мнѣ обратно. Я былъ очень разочарованъ, т. к. ждалъ разбора, какъ случая поглотиться. На мой вопросъ, гдѣ сочиненіе, я получилъ отвѣтъ: „спросите директора“. До этого дѣло не дошло, потому что самъ директоръ вызвалъ меня въ свой кабинетъ и распушилъ, какъ слѣдуетъ. Какъ умный человѣкъ, онъ, впрочемъ, понялъ, въ чемъ дѣло. Но въ послѣдующее время онъ опасался моихъ выходовъ. Передъ экзаменомъ зрѣлости онъ специально прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ничего „эдакаго“ въ

сочиненіи не писалъ, а то попадетъ мнѣ за это въ округѣ. А по окончаніи экзамена, когда мы съ братомъ уже студентами были у директора съ визитомъ, онъ разоткровенничался. — „Вотъ вамъ ваше сочиненіе на память. А Сабуровъ-то, Сабуровъ-то вашъ въ отставку вылетѣлъ. Признайтесь, пустой былъ человѣкъ. Вотъ, Александръ Николаевичъ Троицкій, когда вы, бывало, напишете такое сочиненіе, прибѣжитъ ко мнѣ разстроенный и спрашиваетъ: „что мнѣ дѣлать? Что мнѣ теперь дѣлать?“ А я ему въ отвѣтъ: „отдайте его мнѣ“. — Ну вотъ, получите Ваше произведеніе обратно“.

Надо сказать, что въ эпоху Сабурова и Лорисъ-Меликова задача нашей школьной администраціи была спеціально трудная. Она не могла повѣрить, что „критерія благонадежности“ для оцѣнки учителей и учениковъ больше не существуетъ, но чувствовала, что этотъ критерій въ чемъ-то измѣнился. Какъ, въ какомъ направленіи, на долго ли, — все это было неясно, и гимназическое начальство въ тревогѣ заметалось. Ранѣе того, при Толстомъ, все было просто и ясно. Латинская грамматика, на примѣръ, признавалась предметомъ „благонадежнымъ“. Одинъ изъ классныхъ наставниковъ Калужской гимназіи въ исполненіе возложенной на него по должности обязанности — составлять характеристики своихъ учениковъ, писалъ между прочимъ: *„ученикъ VII-го класса Л. держится либеральнаго образа мыслей, что видно изъ того, что онъ явно пренебрегаетъ латинской грамматикой“*. И вдругъ, при Сабуровѣ начальство стало требовать, чтобы при чтеніи классиковъ обращали вниманіе болѣе на смыслъ, чѣмъ на букву. Тутъ было отчего растеряться бѣдному учителю, тѣмъ болѣе, что будущее было неясно. Вотъ теперь при Сабуровѣ — либеральное направленіе. А что будетъ дальше при слѣдующемъ министрѣ? Поблагодарить-ли онъ насъ, если мы теперь запустимъ грамматику? Для средняго, рутиннаго педагога отставка Сабурова была большимъ облегченіемъ. Но окончательно успокоился онъ только

по назначеніи въ министры Делянова. Тогда всѣмъ стало ясно, что теперь — „все пойдетъ по старому“.

V. Нигилистическій періодъ. Калуга въ семидеся- тыхъ годахъ.

Фальшь толстовской гимназіи давала себя опредѣленно чувствовать въ Калугѣ, какъ и въ Москвѣ. И чѣмъ лучше были отдѣльныя лица изъ педагогическаго персонала, съ которыми мы соприкасались, тѣмъ яснѣе становилось для насъ — учениковъ старшихъ классовъ — зло той системы, которой должны были такъ или иначе подчиняться даже лучшія лица. Ея полицейскій духъ, которому приносились въ жертву интересы преподаванія, былъ для насъ совершенно очевиденъ. Такой фактъ, какъ увольненіе лучшаго преподавателя — Яковлева — именно за то, что онъ былъ живой человѣкъ, а не чиновникъ, не могъ не произвести на насъ сильнаго впечатлѣнія. Да что говорить объ отдѣльномъ учителѣ, когда въ то время вся *русская литература* была подъ подозрѣніемъ. Съ одной стороны, изученіе этой литературы доводилось только до *Гоголя*! Даже на изученіе Лермонтова при восьмилѣтнемъ гимназическомъ курсѣ „не хватало времени“. А съ другой стороны, цѣлая уйма времени убивалась на совершенно безплодное и бессмысленное чтеніе классиковъ. Почему и зачѣмъ? Въ VII-мъ и VIII-мъ классѣ мы были убѣждены, что это дѣлалось *нарочно*, чтобы отвлечь насъ отъ окружающей жизни, отъ политики, отъ модныхъ въ то время естественныхъ наукъ. Мы видѣли ясно, что не сами по себѣ классики дороги высшему начальству, что они въ его рукахъ — *только орудіе полицейскихъ цѣлей*.

Нужно ли удивляться, что при этихъ условіяхъ отъ насъ ускользнуло и то доброе, что было въ классицизмѣ? Мы относились къ нему огульно отрицатель-

но; мы перенесли на него все то недовѣріе и ненависть, которая внушала намъ толстовская система.

Презрѣніе къ гимназіи, господствовавшее среди наиболѣе развитыхъ учениковъ, поддерживалось фактами, повседневно наблюдаемыми. Прежде всего, насъ не могъ не поразить необыкновенно низкій уровень развитія первыхъ учениковъ гимназіи — тѣхъ, что попадали на „золотую доску“. Многіе изъ нихъ были круглыми невѣждами: при умѣннн безукоризненно правильно писать mensam по-латыни и по-гречески, они часто не имѣли понятія о Лермонтовѣ, Тургеневѣ, Гончаровѣ, не говоря уже о Толстомъ и Достоевскомъ: встрѣчались между ними совершенные тушцы, которые и о Пушкинѣ, и о Гоголѣ имѣли понятіе лишь въ предѣлахъ требованій гимназическаго курса. Насъ не могъ не поразить тотъ фактъ, что, переходя изъ гимназіи въ университетъ, товарищи наши подвергались полной переоцѣнкѣ: первые оказывались послѣдними, а послѣдніе первыми. Окончившіе съ золотою медалью гимназію къ величайшему своему изумленію потомъ проваливались на университетскихъ экзаменахъ и горько жаловались на „несправедливость профессора“.

Все это не могло не укрѣпить насъ въ убѣжденіи, что гимназическое ученіе — бесплодное толченіе воды, что преподается намъ наука неподлинная, ненастоящая, и что истинное знаніе есть именно то, которое въ гимназіи или не преподается вовсе или является въ ней запретнымъ плодомъ. Результаты толстовской гимназіи были прямо противоположны тѣмъ, коихъ она добивалась. Если бы естественныя науки не подвергались гоненію въ средней школѣ, онѣ, разумѣется, не пользовались бы тамъ и малой долей той популярности, какою онѣ пользовались.

Будучи гимназистами VI-го класса, мы были убѣждены, что *истинная наука* — только естествознаніе. Разумѣется, тутъ происходило полное смѣшеніе положительной науки съ философій; мыслящіе ученики старшихъ классовъ гимназіи думали, что только путемъ

изученія естественныхъ наукъ можно составить себѣ научное міросозерцаніе.

Помню, какъ мы съ братомъ увлекались попыткой Бокля преобразовать исторію путемъ внесенія въ нее методовъ естественно-научнаго изслѣдованія. Мы зачитывались Дарвиномъ и Спенсеромъ, пытались ознакомиться съ анатоміей человѣческаго тѣла по купленному братомъ анатомическому атласу. Помнится, моя мать, съ тревогою слѣдившая за нашими умствованіями, внушала намъ мысль, что нехорошо жить однимъ умомъ, надо жить больше *сердцемъ*, на что мой братъ отвѣчалъ: „что такое сердце, мама: это полый мускуль, разгоняющій кровь внизъ и вверхъ по тѣлу“.

Предшествовавшее намъ поколѣніе увлекалось матеріализмомъ Бюхнера, а изъ отечественныхъ „авторитетовъ“ зачитывалось запрещенными въ то время произведеніями Добролюбова и Писарева. Я засталъ только остатки этого увлеченія, коего ни я, ни братъ мой совершенно не переживали. Въ то время вульгарный матеріализмъ былъ выгѣсненъ позитивизмомъ Конта и Милля, съ которыми мы познакомились по изложенію Милля и Льюиса уже въ VI-мъ классѣ. Но различіе это было въ сущности шатко. Помнится, я съ одной стороны усвоилъ себѣ Кантовское ученіе о непознаваемой „сущности вещей“, а съ другой стороны увлекался ученіемъ Спенсера, у котораго „позитивизмъ“ совмѣщался съ полу-матеріалистическимъ ученіемъ о сущности существующаго и, въ частности, съ матеріалистическимъ ученіемъ о превращеніи физической энергіи въ мысль. Въ VI классѣ мальчиками пятнадцати шестнадцати лѣтъ мы опредѣленно исповѣдовали позитивизмъ спенсеровскаго типа.

Это было, разумѣется, полный разрывъ со всѣмъ, что считалось у насъ „казенщиной“ и, стало быть, не съ одной только гимназической наукой. Гимназія подготовила этотъ кризисъ, воспитавъ въ насъ систематически недовѣріе ко всему, что преподавалось намъ съ малолѣтства. Ея пустая отвлечен-

ность, обрекавшая мысль на полную безсодержательность, и въ особенности ея полицейскій духъ подготовили почву для этого „нигилистическаго“ настроенія. Но одной гимназіей его, разумѣется, объяснить нельзя. Въ эпидемическомъ безвѣріи тогдашней мыслящей молодежи отражалось дѣйствіе не только обще-русскихъ, но и обще-міровыхъ причинъ. Помнится, первыя сомнѣнія въ вѣрѣ возникли у меня очень рано, уже четырнадцати лѣтъ, подъ вліяніемъ чтенія Бѣлинскаго, коимъ я увлекался уже въ V-мъ классѣ гимназіи. Въ ту пору сомнѣнія меня волновали, особенно въ безсонныя ночи, когда мысль о томъ, что нѣтъ Бога, повергала меня въ трепетъ и заставляла дрожать въ моей постели. Потомъ уже въ VI классѣ, когда я попалъ на Бокля, Милля, Спенсера, переходъ къ безвѣрію совершился внезапно и *въ ту минуту*, казалось, необыкновенно легко. Разумѣется, эта кажущаяся *легкость* объясняется тѣмъ, что болѣзненные ощущенія были испытаны гораздо раньше, и на самомъ дѣлѣ вѣра была подточена уже давно! Помнится, въ послѣднюю минуту особенно сильнае впечатлѣніе произвелъ на меня *тонъ* увлекавшихъ меня писателей, которые разсматривали религію, какъ что-то давно поконченное, близкое къ суевѣрію или какъ пережитокъ отсталого способа мышленія „теологическаго періода“.

Боязнь „быть отсталымъ“ и преувеличенное преклоненіе передъ „послѣднимъ словомъ науки“ вообще характерное свойство очень юныхъ некритическихъ умовъ. Подъ этой маской скрывается, въ дѣйствительности, рабская зависимость молодого ума отъ того авторитета, чье слово признается „послѣднимъ“. Въ мое время юный студентъ, писавшій рефератъ о Контѣ, обрушивался противъ своего оппонента и взывалъ къ профессору: „господинъ профессоръ, уймите этого господина, что онъ противъ Конта мнѣ говоритъ“. А будучи уже профессоромъ, когда мнѣ приходилось на семинаріяхъ возражать противъ высшаго въ то время студенческаго авторитета — Карла Маркса, мнѣ

приходилось встрѣчаться съ юными первокурсниками, которые со снисходительной улыбкой замѣчали: „вѣдь Марксъ, г. профессоръ, — послѣднее слово науки“. „Почему вы знаете, что не предпослѣднее“, спрашивалъ я обыкновенно въ этихъ случаяхъ.

Въ юномъ возрастѣ, сколько я замѣчалъ, этотъ послѣдній доводъ сильно дѣйствуетъ. Кто пережилъ не одно, а хотя бы два-три „послѣднихъ слова“, для того уже нѣтъ незыблемыхъ авторитетовъ: онъ утрачиваетъ вѣру въ „послѣднія слова“ вообще и начинаетъ оцѣнивать человѣческія мысли по существу, независимо отъ того хронологическаго порядка, въ какомъ онѣ были высказаны. Для меня и брата моего Сергѣя эта грань наступила очень рано, еще въ гимназіи, когда мы принялись за серьезное изученіе философіи и въ особенности—исторіи философіи.

Собственно позитивный періодъ нашъ продолжался только въ VI-мъ и лишь частью въ VII мѣ классѣ, гдѣ мы окончательно въ немъ разочаровались. Но объ этомъ я расскажу въ дальнѣйшемъ. Необходимо сначала остановиться на обстановкѣ, въ которой происходило все это философствованіе. Я сохранилъ весьма благодарное воспоминаніе о Калугѣ, гдѣ мнѣ пришлось провести мои юные годы—четыре года въ гимназіи и каникулярные мѣсяцы за всѣ университетскіе годы. Это одинъ изъ небольшихъ, но за то одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ русскихъ губернскихъ городовъ, какіе я знаю. Трудно себѣ представить болѣе подходящее мѣсто для спокойной, сосредоточенной умственной работы. Въ Москвѣ уже въ отроческіе годы въ нашъ умственный міръ врывалась пестрая масса внѣшнихъ впечатлѣній. Были среди этихъ внѣшнихъ впечатлѣній такія, которыя оплодотворяли и окрыляли душу, на примѣръ, музыкальныя воспріятія, о которыхъ я уже говорилъ. Но за то въ московской жизни было чрезвычайно много такого, что разсѣивало умъ; тамъ куда труднѣе сосредоточивать свои мысли. Изъ калужской гимназіи мы, оба брата, вышли съ продуман-

нымъ, вполне опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Въ главномъ и основномъ оно съ тѣхъ поръ не мѣнялось. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы въ Москвѣ этотъ процессъ самоопредѣленія мысли могъ завершиться такъ быстро.

При обиліи московскихъ развлеченій трудно было бы найти время и для тѣхъ значительныхъ *познаній* по исторіи философіи, которыя мы приобрѣли въ Калугѣ за гимназическіе годы. Въ Калугѣ все располагало ко внутренней работѣ мысли: съ одной стороны — скудость внѣшнихъ развлеченій жизни городской, а съ другой стороны, тѣ дивныя красоты русской природы, которыми мы были окружены.

Калуга—городъ настолько маленькій, что въ ней есть мѣста, откуда деревня видна со всѣхъ четырехъ концовъ. Плохенькій театръ, въ которомъ мы почти не бывали, потому что послѣ Московскаго Малаго театра чувствовали, насколько въ немъ неважно играютъ, — вотъ почти все, что давалъ этотъ городъ по части „художественныхъ наслажденій“. Раза три за наше пребываніе пріѣзжали концерттировать Рубинштейнъ — по приглашенію моего отца, съ которымъ онъ былъ друженъ. Рѣдко, рѣдко, тоже по приглашенію отца, пріѣзжали давать концерты профессора Московской Консерваторіи. — Гржимали, Пабстъ, Фигценгагенъ. Пріѣзды эти были для насъ сущими праздниками и оставляли впечатлѣніе тѣмъ болѣе глубокое, что они были рѣдки. Зато въ остальное будничное время умственная жизнь должна была питаться изнутри, а не извнѣ. Тутъ не было выбора: или самоуглубленіе, полный уходъ изъ окружающаго міра въ мысль, или мертвящая скука, отъ которой дѣваться некуда.

Въ такомъ маленькомъ городѣ знаешь почти всякаго жителя, почти всякаго прохожаго на улицѣ; знаешь кого, гдѣ и въ какой часъ встрѣтишь и кто что скажетъ.

Дни тянутся сѣрой, однообразной чередой, почти не отличаясь другъ отъ друга. Поэтому на разстоя-

ни многихъ лѣтъ отдѣльные годы какъ-то сливаются въ одну сѣрую неразличимую массу, такъ что порой трудно бываетъ вспомнить, что случилось раньше и что позже: точная хронологія возможна лишь по отношенію къ сравнительно немногимъ яркимъ событіямъ внѣшней и въ особенности внутренней жизни.

Есть въ провинціи лица, которыя какъ бы всѣмъ существомъ своимъ олицетворяютъ этотъ безпросвѣтный сѣрый фонъ губернской жизни. Вотъ, на примѣръ, старичекъ Владиміръ Степановичъ, нашъ другъ, часто посѣщавшій насъ по вечерамъ, отъ котораго такъ и вѣетъ добротой и скукой. Для меня онъ остается на всю жизнь классическимъ образцомъ жизни безъ событий. Весь разговоръ его либо осужденіе настоящаго съ его нигилизмомъ, дарвинизмомъ и прочими „измами“, либо напряженная, съ трудомъ дающаяся попытка вспомнить прошлое, въ которомъ вспомнить нечего. Рассказываетъ онъ, на примѣръ, безъ конца, какъ однажды у него въ горлѣ першило: „случается эдакъ, иногда въ горлѣ чешется и отъ этого кашель бываетъ. — Позвольте, въ какомъ это было году — въ семидесятомъ, нѣтъ, виновать, въ шестьдесятъ девятомъ“, — старикъ начинаетъ старательно припоминать, въ которомъ именно году по пути въ Калугу его продулъ вѣтеръ, и у него стало першить въ горлѣ. Молодежь, его слушая, бывало, кусаетъ губы, чтобы не расхохотаться, и начинаетъ самый изводящій для него разговоръ о Дарвинѣ. „А вотъ, Владиміръ Степановичъ, Дарвинъ то говоритъ, что котъ произошелъ отъ медвѣдя“. Владиміръ Степановичъ оживляется, начинаетъ поносить Дарвина, вскакиваетъ и бѣгаетъ по комнатѣ, комически подражая плавательнымъ движеніямъ бѣлаго медвѣдя, чтобы доказать всю невозможность превращенія медвѣдя въ кота. А мы потѣшаемся и дразненія ради пугаемъ старика нашими познаніями въ области ученія „о происхожденіи человѣка отъ обезьяны“. Владиміръ Степановичъ начинаетъ раздражаться, но черезъ день-другой опять

заходить вечеромъ, чтобы опять начать разговоръ о томъ, что было въ семидесятомъ, нѣтъ, позвольте, въ семьдесятъ первомъ году, а мы опять шпигуемъ его Дарвиномъ. При всемъ томъ мы любимъ старика и чувствуемъ, что онъ также насъ любитъ.

Поразительная черта, общая большинству нашихъ калужскихъ старыхъ друзей, это — отсутствіе настоящаго и связанная съ этимъ склонность жить въ прошломъ. Въ прошломъ жила посѣщавшая насъ старая дѣва Софья Семеновна, которая мечтала о тѣхъ дняхъ, когда она была молода, красива и выѣзжала одинъ годъ въ Петербургъ въ свѣтъ, чтобы потомъ на всю жизнь окунуться въ безпредѣльную скуку провинціи съ неудовлетворенной мечтой о любви и счастьи. „Сорокъ пять лѣтъ огонь неугасимый горитъ въ груди“, говорила она о себѣ. „Да, вамъ, мужчинамъ, хорошо, оттого что самъ Богъ былъ мужчина“. Когда, однажды, кто то во время великаго поста вспомнилъ при ней извѣстную великопостную молитву: „духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми“, Софья Семеновна вдругъ вскипѣла: „ахъ, не напоминайте мнѣ про цѣломудріе, сорокъ пять лѣтъ этимъ страдаю“. И вокругъ Софьи Семеновны все напоминало о какомъ-то широкомъ размахѣ жизни въ прошломъ. Жила она въ старинномъ барскомъ домѣ, гдѣ былъ великолѣпный залъ съ хорами для музыки — остатокъ той крѣпостной эпохи, когда дворянство въ Калугѣ задавало пиры и балы. Въ этомъ великолѣпномъ домѣ Софья Семеновна коротала дни съ разорившимся старикомъ-отцемъ и съ необыкновенно глупой теткой, которую она стихійно ненавидѣла.

Прошлымъ жилъ и старѣющей сѣдой красавецъ Тургеневскаго типа, Николай Сергѣевичъ, когда-то блестящій кавалеръ и сердцеѣдъ, либераль сороковыхъ годовъ съ воспоминаніемъ о томъ, кажется, единственномъ моментѣ въ его жизни, когда онъ въ качествѣ петрашевца „пострадалъ за убѣжденія“, былъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ и

отданъ въ солдаты, послѣ чего выслужилъ Георгія и получилъ полное прощеніе. Помню девяностолѣтняго старика Семена Яковлевича, олицетворенное воспоминаніе о двѣнадцатомъ и четырнадцатомъ годѣ, о походѣ въ Парижъ и объ Александрѣ Первомъ.

Помню двухъ древнихъ старухъ, къ коимъ насъ посылали дважды въ годъ съ визитами на Рождество и Пасху. Онѣ тоже „вспомнили“ про двѣнадцатый годъ, явно путая лицъ и поколѣнія: „Помните ли вы, мой дорогой, какъ мы съ вами въ двѣнадцатомъ году отъ французовъ въ телѣгѣ спасались“, говорила старуха посетителю на Новый Годъ. „Извините, Вы смѣшиваете“ — отвѣчалъ онъ, — „это было съ моимъ дѣдомъ!“ Калуга въ мои юные годы была какимъ то живымъ архивомъ, точиѣе говоря, собраніемъ людей, сданныхъ въ архивъ. Цѣнтромъ воспоминаній этихъ людей было ушедшее, канувшее въ вѣчность довольство барско-дворянской жизни.

Теперь уже почти нѣтъ въ Калугѣ этихъ воспоминающихъ людей, живущихъ блестящимъ дворянскимъ прошлымъ. О быломъ говорятъ уже не люди, а только камни и стѣны — уютные дома въ прекрасномъ стилѣ Empire, съ хорами, колоннами и чудно раскрашенными потолками. Не знаю, всѣ ли эти красоты уцѣлѣли послѣ пронесшагося надъ Калугой вихря революціи. Къ счастью, лучшее изъ художественныхъ красотъ калужскихъ домовъ было увѣковѣчено журналомъ „Старые годы“. Мнѣ же пришлось застать въ Калугѣ кое-какіе остатки той эпохи, когда стѣны еще гармонировали съ лицами. Въ дополненіе къ сказанному объ этой эпохѣ вспоминаю, что у насъ былъ исключительно старомодный губернаторъ. Испуганный „духомъ времени“, онъ въ каждой мысли подозрѣвалъ тотъ „духъ критики, который ведетъ къ нигилизму и социализму“. Всего новаго онъ боялся, какъ огня. Даже о произведеніяхъ Чайковского, въ частности о „Франческо да Римини“, онъ при мнѣ однажды воскликнулъ: „да это — нигилизмъ въ музыкѣ“.

Быль у насъ и архіерей, какихъ теперь нѣтъ — подвижникъ-монахъ святой жизни — человѣкъ совершенно древній по воззрѣніямъ. Однажды архимандритъ, читавшій публичную лекцію о религіи, подвергъ ее цензурѣ владыки. Когда дошли до фразы — „а безъ религіи человѣкъ — скотина“, владыка сказалъ коротко и ясно: „еще хуже скотины“.

Раньше въ дѣтствѣ мнѣ приходилось сталкиваться со стариною въ Москвѣ. Но въ Москвѣ рядомъ съ этимъ чувствовалось могучее бѣненіе пульса недавно родившейся новой жизни. Такого стухеннаго впечатлѣнія старины, замороженной и консервированной, какъ въ Калугѣ, я въ Москвѣ никогда не испытывалъ. Нельзя сказать, чтобы и въ Калугѣ эта старина была нетронута современностью. Нѣтъ, она была не только тронута, но сломлена и разбита жизнью. Но это были не мертвые обломки старины, а живописныя развалины, которыя *еще жили въ лицахъ*.

Быль еще въ Калугѣ въ то время одинъ послѣдній остатокъ стараго размаха старинной барской жизни. За городомъ, въ сосѣдствѣ съ чудной Лавреньевской рошей изъ вѣковнхъ сосенъ стоитъ очаровательная усадьба Емриге „Желѣзники“, гдѣ жила тогда старушка Делянова съ двумя дѣвцами — дочерьми, радушно принимавшая весь городъ и устранявшая въ своемъ живописномъ домѣ любительскіе спектакли и балы, причемъ на хорахъ ея зала дѣйствительно гремѣла военная музыка. У меня отъ этихъ вечеровъ осталось воспоминаніе о безмятежно веселѣ проведенныхъ часахъ, о танцахъ до поздней ночи и о возвращеніи домой послѣ ужина уже утромъ въ саняхъ, на тройкахъ, подъ радостный звукъ бубенчиковъ!

Въ общемъ же отъ калужской окружающей жизни у меня осталось впечатлѣніе не живого дѣйствія, а какого-то сна, частью пріятнаго и благодушнаго, но подчасъ томительно скучнаго. Скукой были пропитаны насквозь въ особенности мѣста общественныхъ увеселеній, — городской бульваръ и загородный садъ.

Сами по себѣ оба эти мѣста были прелестны — какъ бульваръ съ террасой и очаровательнымъ видомъ на Оку, такъ и загородный садъ съ его вѣковыми елями, расположенный на высокихъ холмахъ, откуда открывался видъ еще болѣе широкой, съ рѣкой Яченкой и дивнымъ сосновымъ боромъ. Скуку наводила не эта родная и безконечно милая природа, а гуляющая публика, являвшаяся въ нарядахъ „на музыку“ и чинно маршировавшая подъ звуки безконечно надобшаго марша: за десять лѣтъ моего пребыванія въ Калугѣ никогда не мѣняли этотъ маршъ, исполнявшійся жиденькимъ струннымъ оркестромъ. Почти не мѣнялись и номера „блестящаго фейерверка“, который сжигался въ концѣ: римскія свѣчи назывались почему-то „дамскій капризъ или мемфеферы“. За „капризомъ“ слѣдовалъ „огненный рыцарь или орлеанская дѣва“. Иногда летѣлъ нагрѣтый спиртомъ аэростатъ со слономъ. Дама притворно-наивно спрашивала у устроителя, настоящей ли будетъ слонъ, и получала отвѣтъ: „нѣтъ-съ, но очень похожъ-съ“. Иногда же, когда публика выражала неудовольствіе, въ афишѣ слѣдующаго гулянья объявлялось: „все будетъ представлено въ наилучшемъ видѣ, чтобы оправдаться передъ почтеннѣйшей публикой, а также господъ пиротехниковъ“.

И лица, посѣщавшія эти гулянья, были всегда одни и тѣ же: одна и та же влюбленная парочка; одна и та же гимназистка, которая, проходя мимо меня, бросала короткую фразу: „парле, же ву земъ“, обиженный *прежній* антрепренеръ гуляній, собирающій клику гимназистовъ, чтобы освистать новаго антрепренера, и наконецъ — офицеръ, цѣлый вечеръ пьющій ягодныя воды, ухаживая за продавщицей, все это въ концѣ концовъ настолько пріѣдается отъ повторенія изъ года въ годъ, что перестаетъ смѣшить и развлекать. Все вмѣстѣ взятое, публика, маршъ, фейерверкъ — сливается въ впечатлѣніе безконечной пустоты, щемящей душу тоски, отъ которой дѣться некуда. И, однако, когда устанешь отъ занятій, волей не волей пойдешь на

бульваръ или въ садъ—искать человѣческаго общества и встрѣчаешь тамъ почти всѣхъ гимназическихъ тозарищей, которые появлялись тамъ въ хорошіе весенніе, лѣтніе и осенніе дни. Бульваръ въ провинціи является, въ особенности весною, настоящимъ мѣстомъ духовнаго общенія учащихся, въ особенности старшихъ возрастовъ. И это до нѣкоторой степени скрашиваетъ его скуку, особенно въ будни, когда нѣтъ гуляній. Во время экзаменовъ на бульваръ идутъ вечеромъ узнавать, кто выдержалъ и кто провалился на письменномъ экзаменѣ, въ полной увѣренности, что тамъ точно все извѣстно; на бульварѣ каждый узнаетъ послѣднюю интересующую его городскую сплетню, въ частности сплетню, касающуюся гимназическихъ учителей и начальства. Но зато на бульварѣ же завязываются и „умные разговоры“ между гимназистами. Тамъ поднимаются всѣ вопросы міросозерцанія; тамъ рѣшается вопросъ, — есть ли Богъ; тамъ разсуждаютъ и о томъ, есть ли цѣли въ жизни и для чего нужно жить. Одинъ говоритъ — для искусства, другой, прочитавшій „утилитаризмъ“ Милля, говоритъ — „для счастья“. Завязывается оживленный споръ на эту тему между шестиклассниками. Вдругъ раздается рядомъ протяжный зѣвокъ восьмиклассника Василя Ивановича, — *нигилиста*, который называетъ себя „человѣкомъ Базаровскаго типа“ и пользуется большимъ авторитетомъ среди товарищей. „Ну, опять о цѣляхъ заговорили“. И Василій Ивановичъ, грузно поднявшись, уходитъ. А шестиклассники сконфуженно умолкаютъ: они почувствовали, что разговоръ „о цѣляхъ жизни“ доказываетъ большую отсталость.

Разговоръ этотъ у насъ имѣлъ цѣлую исторію. Собираясь на бульваръ, гимназисты трехъ старшихъ классовъ вздумали издавать журналъ „Гимназистъ“, который вышелъ всего въ двухъ нумерахъ и затѣмъ остановился за недостаткомъ содержанія, потому что „писатели“ въ одной — двухъ маленькихъ статьяхъ успѣли высказать все, что надумали, кто чѣмъ былъ

умень. Помню въ этомъ журналѣ особенно двѣ характерныя статьи: одну—фельетонъ, гдѣ авторъ жаловался, что кругомъ царить „какой то застой общественной жизни“; другую—Василія Ивановича о томъ, что вопросъ „о цѣляхъ“ — пустой разговоръ. Нелѣпо спрашивать, *для чего* я живу, говорилъ онъ, — умѣстно спрашивать только, *почему* я живу. Живу я потому, что моему папенькѣ захотѣлось побаловаться съ моей маменькой и, взаимно услаждаясь, они и не думали обо мнѣ. Стало быть вопросъ „для чего“ я родился — явно нелѣпъ и не заслуживаетъ вниманія.

Василій Ивановичъ былъ старше меня годами и двумя классами. Онъ получалъ французскій журналъ *Revue philosophique* и былъ въ восьмомъ классѣ начитаннѣе, чѣмъ я въ VI-омъ. Поэтому онъ былъ для меня большимъ авторитетомъ. „Умные разговоры“ съ нимъ меня занимали, волновали, раззадоривали мое юношеское самолюбіе. Встрѣчи съ Василіемъ Ивановичемъ были однимъ изъ тѣхъ привлеченій, которыя заставляли меня ходить на бульваръ. Но продолжалось это всего одинъ годъ. Василій Ивановичъ кончилъ гимназію и поступилъ въ университетъ, а я перешелъ въ VII классъ, гдѣ началъ серьезно заниматься исторіей философіи и переросъ нигилизмъ настолько, что разговоры Василія Ивановича „о цѣляхъ“ стали казаться мнѣ дѣтскими. Я очень скоро окончательно ушелъ изъ сферы его вліянія.

Все это вмѣстѣ взятое — и гимназія, съ ея ненавистной „казенщиной“, и „бывшіе люди“, живущіе воспоминаніями, и бульваръ, и наивныя юношескіе разговоры, и навѣянный всею окружающею обстановкой нигилизмъ — оставляло въ душѣ ощущеніе глубокаго неудовлетворенія. Куда уйги отъ этого давящаго чувства пустоты? Только во внутрь, только въ міръ мысли.

Князь Евг. Н. Трубецкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).